

Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи

(Обрывки воспоминаній и замѣтки)

А. С. Изгоева

I

ПЕТРОГРАДЪ 1917—1918 г. г.

16 ноября 1922 года. Въ два часа дня иду по Бассейной нанимать тачечника для перевозки вещей на пароходъ «Preussen».

— На набережную на Васильевскомъ Островѣ у Николаевского моста. Сколько?

— На иностранный. Знаю. Положите 15 миллионъ . . .

Для очистки совѣсти говорю: дорого, предлагаю 10, 12. Тачечникъ даже не спорить, до того вяло я торгуюсь.

Дорого? Конечно. Третья часть моего послѣдняго мѣсячнаго жалованья по должности научнаго сотрудника Росс. Публ. Библиотеки. А въ то же время меньше пуда хлѣба, 1 р 20 к. золотомъ. Одинъ рейсъ тачечника равенъ десяти днямъ труда научнаго сотрудника. Вспоминаю «развернутую форму цѣнности» на первыхъ страницахъ Марксова «Капитала». Революція. Шагу нельзя ступить, чтобы не увидеть или не почувствовать ея.

Грузить тачечникъ наши два чемодана, два узла, дамскую шляпную коробку.

— Позвольте спросить: вы доброй волею или по приказанію?

— Высылаютъ за-границу вмѣстѣ со многими другими профессорами и литераторами.

— Слыхалъ. Вотъ и Марья Николаевна Стоюнина, божья старушка, на старости лѣтъ уѣзжаетъ. Мнѣ многіе извѣстны. Раньше сторожемъ въ гимназін Г-а служилъ. Только, сами знаете, по школьному дѣлу на жалованье не проживешь. А вотъ съ тачкой поѣду — семья два дня сыта. Мнѣ много не надо. Коней, слава Богу, убавилось, людямъ — доходъ. Только что же они все-таки дѣлаютъ? Всѣхъ умныхъ людей, кого въ тюрьму, кого въ Сибирь, кого за границу. А въ Россіи кто же останется? одно, значить, неученое мужичье, чтобы легче командовать . . .

Хотя тачечникъ и не возбуждаетъ во мнѣ недовѣрія, но въ Совѣтской Республикѣ повсюду такъ много провокаторской швали, что всегда сверлитъ мысль: а, вдругъ, изливаешь свои чувства передъ какимъ-либо поштучнымъ агентикомъ изъ Чеки? Отвѣчаю суховато:

— Ну, всёхъ — не всёхъ, умныхъ-то людей въ Россіи не мало останется, да и глухие постепенно поумнѣютъ.

— Это вѣрно. Шалый былъ народъ, а теперь понимать сталъ.

Тачечникъ, разогрѣвшись, скидываетъ пальто на телѣжку и везетъ ее по ухабистой мостовой. Я иду по тротуару. Обмѣнъ мигній прекращается.

Къ нашему отъѣзду ноябрь подобрался. Съ недѣлю назадъ начались морозы въ перемежку съ мокрыми снѣжными вьюгами, со слякотью и туманомъ. Затѣмъ на день сильная оттепель и вотъ уже три дня, какъ прояснилось небо и легкимъ морозцемъ сковало жидковатую грязь. Солнце свѣтитъ, хоть не грѣетъ, но играетъ и на Адмиралтейской иглѣ, и на куполахъ. На Невскомъ, куда сворачиваемъ съ Михайловской, насъ встрѣчаютъ военной музыкой. Идетъ отрядъ пѣхоты. Красноармейцы въ новой формѣ съ сѣрыми шинками на шлемахъ, съ тремя широкими голубыми нашивками на груди у каждой пары сѣрой шинели. Оркестръ играетъ старый русскій маршъ. Когда онъ смолкаетъ, красноармейцы поютъ на мотивъ старой русской солдатской пѣсни. Съ особой любовью и душевнымъ благожелательствомъ всматриваюсь въ ихъ лица. Въ послѣдній разъ, надолго, быть можетъ и навсегда, вижу я этотъ зародышъ новой старой арміи. Коммунистическая власть меня выгоняетъ изъ отечества. Но да будутъ благословенны русскіе солдаты! Пусть растутъ, крѣпнуть, множатся! Придетъ время — они обрѣтутъ настоящихъ вождей и на нихъ возсоздастся Великая Россія. Идутъ въ ногу, стройно, твердо. Замѣтна дисциплина и выучка. Лица молодыя, здоровыя, свѣжія. Ни угнетенности, ни злобы не видать. Глядятъ ясно, непринужденно. Помогай имъ Богъ! Господи, спаси Россію!

У Александровскаго сада. На-право Зимній Дворецъ. Нѣтъ старой рѣшетки съ золотыми орлами. Пожалуй, такъ оно лучше. Къ рѣкѣ тянется небольшая красивая аллея. Правѣе — садъ съ неубранными слѣдами разрушенія и непорядка, а тамъ прямо — стройныя линіи такого громаднаго, строгаго, благороднаго зданія. Въ свое время мы жестоко били эту Императорскую Россію, и за дѣло и безъ дѣла. Но, вѣдь, она дала намъ С.-Петербургъ, построила Зимній Дворецъ, Адмиралтейство, арку Главнаго Штаба, охранила Дворцовую площадь съ Александровской колонной. Пусть это не столько Романовы, сколько Голштейнъ-Готторпскіе или Ангальтъ-Цербтскіе, но какъ много отъ нихъ осталось неистребимой красоты и благородства, если не въ людяхъ, то хоть въ здапіяхъ!

Оставляя Зимній Дворецъ на-право, я сворачиваю на-лѣво и прохожу мимо дома: Гороховая, 2. На-право то, что было; на-лѣво то, что есть. Предѣлъ лѣвыхъ устремленій русской интеллигенціи.

Три мѣсяца тому назадъ, въ семь часовъ прекраснаго августовскаго утра, когда солнце богато поливало своими лучами и Александровскій садъ и всю Дворцовую площадь, гнали насъ подъ конвоемъ изъ этого зданія петербургской чрезвычайки въ Домъ предварительнаго заключенія на Шпалерной. Сосѣдями моими были проф. Л. П. Карсавинъ и А. Б. Петрищевъ. Послѣ восьмидневнаго пребыванія въ грязномъ и подломъ сараѣ Чрезвычайки, съ какой радостью вдыхали мы чистый воздухъ ранняго утра! На Дворцовой площади, подъ жаркими еще лучами старѣющаго къ осени солнца, мы обнажили головы, не то отъ жары, не то отъ чувства умиленія передъ раскрывшейся гордой красотой Святого Петрограда. Рѣдкіе прохожіе смотрѣли съ чувствомъ участія и страха на эту толпу окруженныхъ конвоемъ людей, такъ мало похожихъ на убійць, воровъ и мошенниковъ... Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что черезъ три мѣсяца, уже физически свободный, но душевно болѣе подавленный, я буду проходить мимо Гороховой

и Исаакія, направляясь на германскій пароходъ, который увезетъ меня въ изгнаніе. Концентраціонный лагерь, сѣга Сибири и Архангельска, глухія кочевья Оренбургской губерніи или Киркряя — все, что угодно, только не прекрасныя мостовыя Берлина, залитыя электричествомъ, съ давящей стремительностью тяжелыхъ автомобилей, звонками трамваевъ и велосипедистовъ . . .

* * *

Попросилъ тачечника поѣхать мимо памятника Петру Великому: крюкъ небольшой. Иностранцы пожмутъ плечами, французы придутъ въ негодованіе, когда услышатъ, что это — лучший памятникъ въ Европѣ, построенный иноземцемъ на русской почвѣ и снабженный обрусѣвшей нѣмкой латино-русской надписью. Памятника, который больше говорилъ бы моему уму и сердцу, я не видалъ на площадяхъ ни Парижа, ни Берлина.

Отъ Фальконета какъ-то само собой мысль потянулась къ Паоло Трубецкому, обитательнившемуся русскому. У Невы — начало, тамъ, у Николаевского вокзала — конецъ Императорской Россіи. Здѣсь взлетъ въ высь, стремленіе къ морю, порывъ на западъ, презрѣніе къ шипящей, извивающейся змѣѣ. А тамъ — дородный отѣв-шійся урядникъ стянулъ поводья своей упрямой, озлобленной кобылы, давить ее своей тяжестью и своей волей, направляя на великій Сибирскій путь, приведшій къ манчжурскому пораженію. Памятника Петру коммунисты не тронули. Они его даже оберегали и время отъ времени не прочь были родными съ нимъ счестья. Въ Петрѣ Великомъ было, дѣйствительно, не мало отъ большевика. Но къ сожалѣнію, въ коммунистахъ почти ничего нѣтъ отъ Петра. Петръ не только разрушалъ, онъ и строилъ, и результаты его стройки держатся доселѣ. Что построили коммунисты? Петръ говорилъ: а о Петрѣ вѣдайте, ему жизнь не дорога, была бы жива Россія! Коммунисты говорятъ: намъ Россія не дорога, былъ бы живъ интернаціональ! Тутъ непроходимая пропасть.

Памятникъ Александру III коммунисты сначала забили досками и соорудили на немъ балаганъ, съ подмостковъ котораго по революціоннымъ праздникамъ коммунистическіе шуты ублажали лускающую сѣмячки толпу.

Глупые люди не поняли глубокаго національно-революціоннаго смысла, бессознательно отлитаго П. Трубецкимъ въ его статуѣ. Точно исполняя тайное желаніе Маріи Федоровны, они укрыли его отъ глазъ народа и превратили въ символъ своей революціонной пошлости, лишь отдаленно напомнившій расправу татаръ надъ русскими князьями. Когда имъ все это разъяснили, коммунисты сняли свой балаганъ съ памятника, испакостивъ его глупыми стихами бѣднаго, пьянаго Демьяна. И воздвигнуть теперь на Площади Революціи памятникъ коммунистической заборной литературы, тамъ, гдѣ раньше, на площади Знаменья, стоялъ обличительный памятникъ Александру III.

* * *

Дальше бѣжитъ мысль . . . Завернувъ угломъ съ площади, такой же прямой лентой, какъ и Новый, стелется Старый Невскій, приводя въ широкія ворота Александро-Невской Лавры. До могилы памятна будетъ мнѣ эта прекрасная дорога, мой крестный путь. Еще сегодня я былъ тамъ, на могилѣ моей дочери, одной изъ

бездѣтныхъ жертвъ русской революціи. Ее убила на восемнадцатомъ году жизни не пуля чекиста и даже не сыпная вошь сосѣдки по арестантской нарѣ. Были еще болѣе прозаическіе способы убивать. У нея не было ни галошъ, ни цѣлыхъ ботинокъ, и она постоянно промачивала ноги. Въ квартирѣ было 4 градуса мороза и, помогая матери, она таскала тяжелыя бревна вмѣсто отца, мыкавшася въ то время по коммунистическимъ тюрьмамъ. Питалась тогдашнимъ російскимъ хлѣбомъ и пшенной размазней. Хрупкій организмъ надломился. Легкая простуда свалила ее въ концѣ января и черезъ десять дней убила . . .

Она собиралась ѣхать въ Москву «хлопотать» за отца. Я ждалъ ее, мое сокровище на землѣ, которой не видѣлъ уже болѣе года, съ той памятной ноябрьской ночи, когда подъ громъ юденическихъ пушекъ, она одна съ матерью, какимъ-то чудомъ и милостью добродушнаго конвоира пробравшись на вокзалъ, мерзла, провожая меня, увозимаго въ Москву въ арестантскомъ вагонѣ.

Теперь она, получивъ отпускъ, — въ Сов. Россіи все вынуждены были служить, даже дѣти, забросивъ ученье, — собиралась навѣститъ меня. Я ждалъ ее со дня на день. Вмѣсто того пришло письмо. Ничего страшнаго еще не было въ этомъ письмѣ: Нюся немного простудилась и отложила отъѣздъ. Но сердце уже забило тревогу. Слѣдующее письмо ее удвоило. Я написалъ Дзержинскому, прося освободить меня на-время, на мѣсяць, подъ честное слово, чувствуя, что надъ многострадальной семьей моей нависаетъ гроза. Спасибо Е. А. Пѣшковой и Винаверу изъ Краснаго Креста: они много помогли мнѣ. Спасибо Е. Д. Кусковой и Н. М. Кишкину, тогда вольнымъ гражданамъ Р. С. Ф. С. Р.: они дали свое поручительство, что я сдержу слово и вернусь . . .

Письма доходили не скоро изъ Петрограда въ московскій Ивановскій лагерь, черезъ шесть-восемь дней. Я чувствовалъ, что идетъ на меня самое страшное изъ всего перенесеннаго мною. Я сознавалъ, что меня скоро отпустятъ — пусть на время — изъ посытлой тюрьмы, что я увижу жену и дѣтей. Но я молился: Господи, если дочь моя своими страданіями, своею смертью покупаетъ для меня свободу, не надо, Господи, оставь меня тутъ, дай мнѣ смерть, но сохрани жизнь моему ребенку! Ловя минуты одиночества, я, старый, сѣдой человѣкъ, плакалъ тяжелыми слезами, безсильный что-либо сдѣлать, духовными очами слѣдя за агоніей ребенка . . .

Пришла бумага. Съ вещами вытребовали меня на Лубянку въ В. Ч. К. Тамъ долго не держали, взяли подписку, что обязуюсь вернуться черезъ мѣсяць, и отпустили. Въ тотъ же вечеръ я получилъ возможность уѣхать въ Петроградъ. Добрые люди помогли, случайности благопріятствовали.

Раннимъ февральскимъ утромъ, еще въ темнотѣ, шелъ я съ узломъ на спинѣ по Суворовскому проспекту, съ глухой тоской на сердцѣ, со слабой надеждой въ умѣ. Парадные двери въ Сов. Россіи уже давно не открывались. Подымаюсь по черной лѣстницѣ: звоню, стучу — долго, очень долго. Уже не слышу, какъ раньше, біенія своего сердца. Только холодный потъ буквально льется изъ подъ шапки и совсѣмъ застлалъ мои очки. Вдругъ слышу слабый голосъ:

— Кто тамъ?

— Я, Галочка.

Дверь, наконецъ, открылась . . .

— Что съ Нюсей?

— Третьяго дня похоронили. Соня больна тифомъ. Я тоже съ постели.

И повалилась въ слезахъ, безъ сознанія, на полъ . . . Не помню, какъ довелъ ее до кровати. Старшая дочь горѣла, но меня узнала, смогла даже сказать:

— Папа, не цѣлуй меня, я захватила сыпнякъ . . .

Воды въ квартирѣ не было: всѣ краны замерзли и трубы полопались. Уборныя не дѣйствовали. На кухнѣ и въ комнатахъ валялись огромныя обмерзлыя колоды, которыя жена съ дѣтьми какъ-то ухитрились втащить въ квартиру. Проклятыя колоды! Жена безъ ужаса не могла на нихъ смотрѣть, приписывая имъ смерть ребенка. Домъ Литераторовъ скоро послалъ людей, которые ихъ распилили и раскололи. Воду давали сосѣди.

Въ тотъ же день пошелъ по Старому Невскому въ Александро-Невскую Лавру. Провожала сосѣдка, помогавшая хоронить. Она указала и могилку. Жена и старшая дочь слегли, вернувшись съ похоронъ. У дочери температура поднялась уже за 40°.

Противъ Собора, на свободной полянѣ, подъ старой широколѣтвистой березой, вблизи дороги указала мнѣ сосѣдка свѣжую могилку, отмѣченную небольшимъ рукодѣльнымъ крестомъ. Кругомъ былъ снѣгъ, мѣстами глубокой. На могильномъ холмикѣ чернѣли еще комья замерзшей земли. Съ той поры и началось мое хожденіе по Старому Невскому. Сначала одинъ, потомъ семьей. Всею семьей и могилку весной убрали и водрузили на ней настоящій крестъ. Крестъ стоилъ тогда безумныхъ денегъ, и соорудила его фабрика того предпріятія, на которомъ служила покойная. Жена выкрасила его бѣлой масляной краской, я сдѣлалъ на жестяной дощечкѣ надпись. Въ нашей квартирѣ этотъ крестъ высохъ. На своихъ плечахъ отнесли мы его на кладбище и тамъ закопали на аршинъ въ землю въ головахъ у могилки, на которой выздоровѣвшая дочь развела цвѣты. Все это было уже позже, въ маѣ 1921 г.

Февраль и начало марта ушли на уходъ за больными. Къ счастью, ихъ удалось выходить. Добрые люди помогли. Не оскудѣла еще ими русская земля. Въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ я себя ни припоминаю — а много ихъ было, всякихъ — всегда находился добрый человѣкъ, помогавшій и совѣтомъ, и дѣломъ . . . Къ тому времени, когда я, выполняя данную подписку, собрался въ обратный путь, во Всероссійскую Чрезвычайку, дочь уже могла сидѣть на кровати, а жена была почти здорова. Въ Москвѣ меня держали недолго и скоро освободили по какой-то специальной амнистіи 18 марта 1921 г., не то въ память пятидесятилѣтія Парижской Коммуны, не то по случаю взятія мятежнаго Кронштадта.

Не внялъ Господь моей молитвѣ въ Ивановскомъ лагерѣ, прежде—монастырѣ. Смертью своей дочь моя дала мнѣ свободу. Не мнѣ судить пути Господни. Вѣроятно, не полна еще моя чаша, что-то предстонтъ еще сдѣлать здѣсь на землѣ, для чего-то надо жить . . .

*

*

*

Мы подошли къ пароходу, когда воздухъ уже подернулся легкимъ осеннимъ сумракомъ. На берегу толпилось много народу, главнымъ образомъ, молодежи. Тачечникъ помогъ перенести багажъ на баржу, служившую таможенной передней къ пароходу. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и споровъ удалось втянуть вещи въ отдѣленіе для таможенного осмотра.

Пассажиры прошли въ теплую комнату, и потянулись мучительные, тягостные, нудные, длинные часы ожиданія развязки, когда душевная усталость точно убиваетъ боль отъ разлуки съ близкими и дорогими людьми.

Приходили друзья и знакомые прощаться. Цѣловались, жали руки, печально смотрѣли въ глаза и говорили:

— Не знаю, жалѣть Васъ или завидовать? Кому хуже, высылаемымъ или остающимся? Мы безъ Васъ совѣмъ осиротѣемъ и потонемъ въ болотѣ. Теперь только чувствуешь, какъ важно было для насъ, что Вы, послѣдніе, еще тутъ жили...

Отвѣчаешь имъ, почти какъ тачечнику:

— Какіе мы послѣдніе! Не перевелись еще люди въ Россіи...

Приходили большими группами студенты прощаться съ профессорами. Приносили цвѣты ихъ женамъ, помогали переносить вещи. Вьющейся, длинной, колеблющейся разноцвѣтной лентой потянулись сквозь публику, точно гусиный выводокъ, сотни полторы молодыхъ, возбужденныхъ отъ холодка, отъ волненія женскихъ лицъ. Студентки, ученицы Стоюнинской гимназіи, пришли проститься съ Маріей Николаевной, сопровождавшей въ изгнаніе своего зятя проф. Н. О. Лоссаго.

Часовъ до одиннадцати вечера гудѣлъ берегъ отъ оживленнаго прибое молодежи, смѣнявшей другъ друга.

Каждое прощанье заканчивалось словами:

— Мы говоримъ Вамъ не «прощайте!», а «до-свиданья»!..

Я старался прислушаться, что отвѣчала моя душа. Въ ней не было ощущенія похоронъ, но не слыхалъ я и бодрыхъ звуковъ радостной надежды. Громада — Петербургъ со всей его культурой и государственнымъ строемъ, — песчинка въ сравненіи съ вставшей на дыбы Россіей. Интеллигенція — песчинка въ сравненіи съ громадой Петербурга и разрушающихся русскихъ городовъ. Мы — небольшая часть интеллигенціи, старавшаяся поддержать ту искру, изъ которой «возгорится пламя».

Опять Пушкинъ! Нельзя жить ни въ С. Петербургѣ, ни въ Петроградѣ, не зная и не любя Пушкина.

* * *

Давно уже началась посадка. Вызываемый, съ семьей и документами, проходилъ въ сосѣднее помѣщеніе, тамъ его допрашивали, осматривали и затѣмъ онъ безвозвратно поглощался пароходомъ. Остававшіеся въ ожидальной только спустя болѣе или менѣе продолжительное время видѣли черезъ окно, какъ по трапу передвигались силуэты людей съ вещами...

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи вызвали и меня съ женой. За столомъ съ бумагами сидѣли двое русскихъ и одинъ нѣмецъ. Сдѣлавъ какія-то отмѣтки на листѣ, спросивъ о возрастѣ и еще о чемъ-то, меня передали красивому юношѣ въ чекистской формѣ. Пзысканно вѣжливо онъ провелъ руками по моему пиджаку и брюкамъ, для приличія вынулъ изъ бокового кармана пакетикъ, оказавшійся пачкой папиросъ и положилъ его обратно.

— Сколько у васъ съ собой денегъ?

Я сказалъ и вынулъ мой бумажникъ. Чекистъ не сталъ даже смотреѣть. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ русскихъ оторвалъ клочокъ бумажки, написалъ два слова и передалъ чекисту.

— Будьте добры пойти на осмотръ вещей.

Мы прошли въ помѣщеніе, куда, часовъ семь тому назадъ, я не безъ труда втащилъ мои вещи. Мой спутникъ подозвалъ одного чиновника и передалъ ему клочокъ бумажки. Тотъ взялъ, посмотрѣлъ и удивленно спросилъ:

— Какъ это понимать?

Чекистъ нагнулся къ его уху и что-то прошепталъ. Меня эта сцена чрезвычайно заинтересовала. Поглядимъ, каковъ будетъ осмотръ...

Узлы были развязаны и чемоданы мною раскрыты. Руки надсмотрщиковъ рылись въ вещахъ, но они ничего оттуда не вынули, и глаза ихъ ни на что не смотрѣли. Осмотръ происходилъ, и, въ сущности, его не было. На то, чтобы снова завязать узлы и привести въ порядокъ чемоданы, у меня ушло больше времени, чѣмъ на весь осмотръ.

А сколько дней до отъѣзда пропало у меня на бѣганье по учрежденіямъ, на хлопоты за полученіемъ десятка разрѣшительныхъ бумагъ, на составленіе и засвидѣтельствованіе копій! Сколько силъ наши представители ухлопали на переговоры съ Г. П. У., управляющими таможенъ, финансовой частью, на сношенія съ Москвой, съ цензурой! Борьба шла изъ за лишней простыни, изъ-за лишняго золотника золотыхъ вещей. Все это казалось настолько серьезнымъ, что я не взялъ многихъ необходимыхъ вещей, своевременно не занесенныхъ въ списки. О книгахъ, рукописяхъ и замѣткахъ нечего и говорить. Памятуя, сколько этого, цѣннаго для меня одного, матеріала, погибло при прошедшихъ обыскахъ, арестахъ и этапныхъ путешествіяхъ, я не взялъ съ собой ничего. А можно было все вывезти...

Разсказывали, что этотъ день былъ, вообще, легкимъ для всѣхъ пассажировъ. Не только у административно-высылаемыхъ за границу ничего не отобрали, но и у «штатскихъ» взяли лишь банку игры у одной дамы и кольцо съ камнями у другой. Не всегда, говорятъ, такъ бываетъ...

У меня сложилось впечатлѣніе, что были даны особыя указанія не чинить намъ никакихъ притѣсненій. Совѣтская власть точно хотѣла подчеркнутой вѣжливостью украсить наше разставаніе съ родиной и тѣмъ—облегчить или отяготить наши послѣднія минуты.

Противорѣчива душа человѣческая. Я лично эту подчеркнутую мягкость властей почувствовалъ какъ горечь. Высылаютъ безъ злобы. Это хуже, меньше шансовъ на скорое возвращеніе...

* * *

Послѣ «посадки» мы еще нѣсколько часовъ оставались въ Петроградѣ и двинулись только на разсвѣтѣ. Десятка два людей успѣли прибѣжать, — трамвай еще не ходили, — чтобы крикнуть намъ съ пристани послѣднее «прости». Солнце освѣтило для насъ отходящую столицу и еще часъ, другой мы могли жадно вбирать въ себя послѣднія впечатлѣнія.

Затѣмъ долго плыли мы по водному кладбищу бывлой русской силы, русскаго богатства, русской славы. Суда, коммерческія и военныя, превращенныя въ желѣзный ломъ, не дымящія фабричныя трубы, не работающіе краны, полуразобранные лѣса у недоконченныхъ построекъ, пустыя доки, заброшенныя баржи, пустыя склады...

Подходимъ къ Кронштадту и его фортамъ, теперь игрушечнымъ для современнаго морского артиллерійскаго огня.

Толбухинъ маякъ. Сторожевыя военныя суда: русское и эстонское. Сосѣдняя независимая держава.

Какой-то пароходикъ подходитъ къ нашему «Preussen». Высланные пробуютъ шутить:

— Пароходикъ отъ «Чеки» съ приказаніемъ вернуть всѣхъ обратно до новаго распоряженія . . .

Нѣтъ, новыхъ распоряженій не послѣдовало. Пароходикъ снялъ только лоцмана. Мы въ открытомъ морѣ. Внѣ досягаемости для Госполитуправленія Р. С. Ф. С. Р., но и внѣ Россіи . . .

* * *

Несмотря на середину ноября (1922 г.), погода была на рѣдкость хороша. Ни снѣга, ни дождя. Почти не качало. За эти три дня тихой морской прогулки я могъ вспомнить и продумать пять лѣтъ моей жизни въ коммунистическомъ раю, почти шесть лѣтъ революціи. Обрывки этихъ воспоминаній и мыслей я и пытаюсь нынѣ записать на этихъ страницахъ.

* * *

Не издавшіе станутъ отрицать, а многіе изъ видѣвшихъ будутъ теперь спорить, что въ самомъ началѣ революціи были дни всеобщаго энтузіазма, необыкновеннаго подъема, подлиннаго сліянія всѣхъ въ одну душу. Вотъ и ген. Деникинъ, подобравшій знамя, выпавшее изъ мужественныхъ рукъ ген. Корнилова, пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «Праздничные дни трогательнаго, радостнаго единенія между офицерствомъ и солдатами быстро отлетѣли, замѣнившись тяжелыми, нудными буднями. Но, вѣдь, они были, эти радостные дни . . . Сразу отпали какъ-то сами собой всѣ наносные, устарѣлые приемы, вносившіе элементъ раздраженія въ солдатскую среду; офицерство какъ-то подтянулось, сдѣлалось серьезнѣе и трудолюбивѣе.»

Было, только длилось все это очень и очень недолго. Я, человѣкъ типа болѣе разсудочнаго, чѣмъ волевого или сантиментальнаго, тоже пережилъ эти чувства, только на мигъ еще болѣе короткій, чѣмъ другіе. Съ 1905 года у меня создалось вполне опредѣленное представленіе о характерѣ русской революціи, которую я считалъ, къ несчастью, неизбежной, какъ только «внѣшній толчокъ» освободить связанныя силы. Такимъ «внѣшнимъ толчкомъ» и явилась война.

Часто спрашивалъ я себя: въ чемъ секретъ этого очарованія революціи, этого длящагося одну минуту всеобщаго энтузіазма? Революція — это освобожденіе отъ внѣшнихъ путъ. Въ этихъ путахъ есть, очевидно, нѣчто такое, что дѣйствительно изжито всѣмъ народомъ, превзойдено имъ въ своемъ духѣ, можетъ и должно быть сброшено. Но освобожденіе чрезвычайно быстро переходитъ за эти предѣлы. Освобождая себя отъ внѣшнихъ цѣпей и страха, человѣкъ уже не находитъ никакихъ сдержекъ въ своей душѣ. Энтузіазмъ, объединявшій всѣхъ, исчезаетъ. Одни попадаютъ во власть темныхъ силъ и служатъ имъ болѣе или менѣе изступленно. Другихъ гнететъ реакція, чувства раскаянія, мести и гнѣва.

Но какое-то святое зерно успѣло побывать въ душахъ всѣхъ. Я видѣлъ это на улицахъ Петрограда въ тѣ три-четыре дня, пока еще его тротуары и снѣжные сугробы не были заплеваны сѣмячками.

Коренное различіе между политическими революціями и религіозными движеніями въ томъ, что послѣднія, обусловленныя въ извѣстной долѣ тоже земными причинами, обращаются къ вѣчному въ душѣ человѣка. Ихъ освободительное

вліяніе на человѣческую душу длится поэтому и за предѣлами кратковременной спазмы энтузіазма. Освободительное вѣяніе революціи гаснетъ вслѣдъ за этимъ мигомъ. Поэтому-то такъ необъятно велико по сравненію со всѣми революціями міра воздѣйствіе христіанства на души милліардовъ человѣческихъ существъ.

*

*

*

Энтузіазмъ, несомнѣнно царившій въ столицѣ въ февральско-мартовскіе дни 1917 г., спустя восемь мѣсяцевъ, въ концѣ октября, не ощущался никѣмъ, кромѣ тѣсной группы лицъ, спасшихъ себя захватомъ власти. Незнакомые люди не поздравляли другъ друга и не цѣловались на улицахъ. И если въ преддверіи весны 17-го года «всѣ были пьяны отъ восторга и не единый — отъ вина», то осенью не единый не былъ пьянъ отъ восторга и очень многіе — отъ вина. Было даже немало пьяныхъ, утонувшихъ въ винныхъ погребяхъ, затопленныхъ водой. А сколько разстрѣлянныхъ новой властью!?

На большевиковъ въ октябрьскіе дни смотрѣли, какъ на захватчиковъ — авантюристовъ, царствіе которыхъ будутъ считать, если не недѣлями, то мѣсяцами. Пожалуй, такъ думало и большинство самихъ захватчиковъ, съ тоской смотрѣвшихъ на себя, какъ на обреченныхъ людей. Нынѣшнему петроградскому диктатору Зиновьеву пришлось испытать почти то же, что, по словамъ С. М. Соловьева, случилось со вторымъ Лже-Димитріемъ въ Стародубѣ. Пойманный крестьянами, онъ никакъ не хотѣлъ признаваться, что онъ — царь. Крестьяне пригрозили пыткой. Тогда Лже-Димитрій выхватилъ у одного палку и закричалъ: Ахъ, вы, с . . . с . . . , я вамъ покажу, какой я царь! Мужики повалились въ ноги . . . Зиновьева, какъ и Луначарскаго, солдаты штыками заставили взять обратно свою отставку. Зиновьеву, какъ и множеству другихъ, пришлось повторить знаменитыя слова: я — ихъ вождь и долженъ слѣдовать за ними. Другое дѣло — Ленинъ. Этотъ смотрѣлъ въ одну точку и видѣлъ яснѣе. Для него съ самаго начала социализмъ, война и остальное были только средствомъ для овладѣнія властью и удержанія ея...

Я цѣнилъ шансы большевиковъ съ первыхъ же дней гораздо выше, чѣмъ даже они сами. Почти всѣ революціонеры проповѣдовали большевизмъ, не рѣшаясь осуществлять его. Было ясно, что тѣ большевики, которые на это рѣшатся, окажутся сильнѣе всѣхъ.

Газета «Рѣчь», попытавшаяся выходить послѣ большевистскаго переворота, была вскорѣ закрыта, какъ и вся не-коммунистическая пресса. Сразу покончить со свободой печати большевики не рѣшились. Черезъ нѣкоторое время намъ было дано знать, что мы можемъ возобновить изданіе. Политическаго руководителя «Рѣчи» — П. Н. Милокова уже не было въ Петроградѣ. Мы стали выпускать «Нашъ Вѣкъ». Газета не находилась ни въ какой связи съ Центральнымъ Комитетомъ конституціонно-демократической партіи, уже раскальвавшейся въ то время по оріентаціямъ. Несмотря на это, несмотря даже на дѣлаемая въ такомъ смыслѣ заявленія, газету упорно продолжали именовать кадетскимъ офиціозомъ и въ ея статьяхъ видѣть настоящее отраженіе кадетской мысли. Большинство членовъ Центр. Комитета, проживавшихъ въ Москвѣ и крѣпко державшихся союзнической оріентаціи, были этимъ чрезвычайно недовольны. Основное ядро редакціи состояло изъ І. В. Гессена, редактировавшаго газету съ большими перерывами, но въ работахъ Ц. К. участія не принимавшаго, М. И. Ганфмана, замѣнявшаго отсутствовавшихъ редакторовъ П. Н. Милокова и І. В. Гессена,

не состоявшего даже членомъ к.-д. партіи, Д. В. Философова — тоже не кадета, наконецъ, К. Н. Соколова и меня. Мы двое были членами Центр. Комитета, его праваго крыла, но не имѣли въ партіи вліянія, какъ люди, не отражавшіе господствующихъ взглядовъ. Несмотря на это, когда говорили о кадетскихъ взглядахъ, ссылались только на «Нашъ Вѣкъ.» Ничего съ этимъ нельзя было подѣлать! Курьезный случай, свидѣтельствующій, какъ трудно бороться съ общественнымъ предрассудкомъ, превратившимся въ традицію. М. П. Ганфманъ неоднократно жаловался мнѣ:

— Ни о чемъ нельзя писать. Напишешь, — сейчасъ и подхватятъ: вотъ какъ думаютъ кадеты, а кадеты тутъ не при чемъ.

Любопытно, что когда появился «Нашъ Вѣкъ», большевистскія власти высказывали недовольство, почему газета не назвалась снова «Рѣчью».

*

*

*

Уже съ апрѣля 1917 г., когда темный Линде вызвалъ Финляндскій полкъ требовать отставки П. Н. Милюкова, а командующій войсками округа ген. Корниловъ лишень былъ Совѣтомъ права распоряжаться солдатами, для меня стало очевидно, что пришествіе большевиковъ только вопросъ времени. Правда, кадеты сдѣлали тогда попытку выйти на улицу и позвать се за собой. Помню, какъ мы въ нашемъ прекрасномъ тогда помѣщеніи на Французской Набережной готовили наши зеленныя знамена и плакаты. Множество самоотверженной молодежи обоого пола откликнулись на зовъ. Скромная наша манифестация, тотчасъ же по выходѣ на Литейный, стала обрастать толпами народа, восторженно привѣтствовавшими патріотическіе лозунги. Тогда борьба была еще возможна съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. Только нельзя было ее вести рука объ руку съ социалистами изъ Совѣта Раб. и Солд. Деп.

Въ рядахъ Врем. правительства это понималъ едва ли не одинъ лишь П. Н. Милюковъ, противъ котораго велъ тонкую интригу Н. В. Некрасовъ, еще не вышедшій изъ Центр. Комитета партіи. Все, что было во Врем. Правительствѣ правѣ кадеть, съ кн. Г. Е. Львовымъ во главѣ, льнуло къ социалистамъ изъ Совѣта, чувствуя свое безсиліе. Въ самой кадетской партіи П. Н. Милюковъ не встрѣтилъ поддержки. Въ рѣшающемъ голосованіи Центрального Комитета 18 человекъ противъ 10 высказались за то, чтобы не настаивать на оставленіи за П. Н. Милюковымъ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ.

Интрига Н. В. Некрасова увѣнчалась успѣхомъ: партія предала своего вожда. Должень сказать, что тутъ игралъ роль не только страхъ порвать съ социалистами, казавшимися тогда силой, но и сознательное недовольство многихъ политической линіей П. Н. Милюкова. В. Д. Набоковъ и нѣкоторые другіе, среди нихъ и очень вліятельныя лица, офиціально стоя на союзнической платформѣ, сознавали уже въ то время непосильность для страны продолженія войны, не дѣлая изъ этого пока логическаго вывода.

Я очень ясно помню тогдашнее положеніе. Конецъ апрѣля глубоко врѣзался въ мое сознаніе, такъ какъ тогда я понялъ неотвратимость пришествія большевиковъ. Я былъ въ числѣ десяти, настаивавшихъ на немедленномъ и полномъ уходѣ всѣхъ кадетовъ изъ всѣхъ министерствъ. Если огромное большинство русской интеллигенціи продолжаетъ пребывать въ духовномъ плѣну у социалистовъ и одолѣть это настроеніе нѣтъ силъ, то не остается ничего другого, какъ поставить социалистовъ у власти. Безъ тяжелаго предметнаго урока страна, очевидно, не

обойдется. Чѣмъ скорѣе онъ придетъ, тѣмъ лучше для Россіи: скорѣе закончится, сохранится больше нетронутыхъ силъ. Вреднѣе всего мнѣ казалась коалиція съ социалистами. Страна испытала бы тогда весь вредъ социалистическаго правленія, не осознавъ политическаго урока. Социалисты мастерски прикрывались бы буржуазными министрами, продолжая свое дѣло разрушенія и обвиняя буржуазію и кадетъ въ его результатахъ. У нихъ всегда оставался бы доводъ: это отъ того, что эгонистическая буржуазія не приѣмлетъ социалистической программы и саботируетъ ея осуществленіе.

Мнѣ казалось, что уходъ П. Н. Милюкова долженъ повлечь за собой отставку всѣхъ буржуазныхъ министровъ и образованіе безпримѣснаго социалистическаго кабинета. А въ социалистической средѣ — я въ этомъ никогда не сомнѣвался, и въ 1907 г. говорилъ это въ полемикѣ съ Г. В. Плехановымъ, а въ 1911—1913 г. г. въ спорахъ съ А. Н. Потресовымъ — очень скоро взяли бы верхъ большевики. Я и теперь держусь того мнѣнія, что этотъ путь былъ единственно правильнымъ. Конечно, и онъ обрекалъ Россію почти на тѣ же страданія, какія начались для нея съ октября. Но я убѣжденъ, что Россіи было бы гораздо лучше пережить господство социалистовъ и большевиковъ безъ этого ужаснаго, гнилого коалиціоннаго промежутка, когда такъ безславно погибли наши и прогрессивно-либеральные общественные круги и социалисты — не большевики.

Когда произошло знаменитое голосованіе Центрального Комитета, предавшее П. Н. Милюкова и открывшее эру «коалицій», я думалъ: послѣ первой революціи, въ 1909 году, семь авторовъ въ сборникѣ «Вѣхи» выступили со словомъ предостереженія, указавъ ясно, куда ведутъ страну господствующія интеллигентскія настроенія. Книгу объявили реакціонной злостной клеветой и во главѣ похода противъ насъ былъ П. Н. Милюковъ. Теперь П. Н. Милюкова поддерживаютъ «вѣхисты», патриоты и государственники, но преобладающее большинство либеральной интеллигенціи, имъ же воспитанное, идетъ противъ него, психически безоружное противъ революціонеровъ-социалистовъ.

Когда черезъ нѣсколько дней послѣ нашей апрѣльской, первой кадетской уличной манифестаціи, ко мнѣ обратилась съ недоумѣнными упреками кадетская молодежь: «какъ? неужели партія оставляетъ Павла Николаевича и кадеты не уйдутъ изъ правительства?», я чувствовалъ себя чрезвычайно смущеннымъ. Что могъ я имъ сказать?! Надъ Россіей повисъ рокъ и пусть скорѣй придутъ большевики... У кадетской партіи не оказалось достаточно самостоятельной духовной силы. Идеино она была въ плѣну у социалистовъ. Надо было готовиться къ тому, чтобы хоть съ достоинствомъ принять расплату. «Въ политикѣ нѣтъ мести, а есть послѣдствія» — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей П. А. Столыпинъ.

Въ концѣ апрѣля кадетская партія была разбита на-голову. Морально она получила ударъ, отъ котораго уже никогда не могла оправиться. Государственно-мыслящіе элементы русскаго общества лишились своего вождя. Никакой другой силы, кромѣ кадетовъ, не было. Кадеты же завязли въ тинѣ соглашеній съ социалистами и никакого порыва ни вызвать въ странѣ, ни собрать вокругъ себя не могли. Министры-кадеты, посылаемые въ социалистическія министерства, А. И. Шингаревъ, Ф. Ф. Кокошкинъ, А. В. Карташевъ — все это «жертвы вечернія». Ген. Корнилова окружили Завойко, Аладьинъ и другіе незнакомцы...

*

*

*

Былъ жаркій іюньскій вечеръ. Въ одной изъ комнатъ кадетскаго клуба у раскрытаго балкона съ чуднымъ видомъ на царственную Неву, передъ которой парижская Сена кажется скромной, домовитой провинціалкой, мы сидѣли съ А. Н. Рутценомъ и въ ожиданіи остальныхъ членовъ Ц. К. бесѣдовали о дѣлахъ текущихъ.

— Что будетъ дальше? какъ по вашему мнѣнію? Вы пророчествуете иногда не дурно.

— Теперь уже не надо быть пророкомъ. Надо только ясно видѣть. Революціи, когда удалось раскатать массы, имѣютъ свои законы. Теперь придутъ социалисты, за ними большевики, погонятъ насъ отсюда, объявятъ терроръ, перевѣшаютъ тысячи людей и приведутъ за собой диктатора. Такъ всегда кончаются революціи, если странѣ, на которую онѣ обрушились, не суждено погибнуть...

* * *

Наступилъ день 3 іюля — первой попытки большевиковъ къ захвату власти подъ флагомъ «вся власть совѣтамъ.» Наканунѣ ушли изъ министерства министры-кадеты изъ за оборудованнаго Н. В. Некрасовымъ за ихъ спинами «универсала» объ автономіи Украины даже безъ точнаго опредѣленія границъ этого государственнаго новообразованія. Министръ В. М. Черновъ привѣтствовалъ ихъ уходъ словами «скатертью дорога», а въ это же время, поднося къ его носу кулакъ, рабочій большевикъ ему кричалъ: «принимай, с. с., власть когда дадутъ...» Та же «стародубская» сцена, что позднѣе съ Зиновьевымъ и Луначарскимъ...

Партиійная дѣятельность съ іюля по октябрь оставила по себѣ слабое впечатлѣніе. Подготовка къ Учредительному Собранію, вѣры въ которое уже не было. Ежедневные удары съ фронта, свидѣтельствующіе о все большемъ и большемъ распаденіи нашей военной силы. Необходимость въ газетѣ все это нѣсколько сглаживать, ослаблять въ виду готовящагося наступленія. А въ Центральный Комитетъ являлись офицеры, въ томъ числѣ и предѣдатель офицерскаго союза Новосильцевъ, и предостерегали: наступленіе невозможно, оно обречено на неудачу и кончится лишь тѣмъ, что будутъ перебиты лучшія части офицерства и солдатъ. Но «коалиція» была заключена на платформѣ наступленія. «Наступленіе» было тѣмъ трамплиномъ, съ котораго собирался прыгнуть Керенскій. Около же этого времени, если не ошибаюсь, и Троцкій усмотрѣлъ въ Керенскомъ «математическую точку русскаго бонапартизма»... Приходилось всячески поддерживать Керенскаго. Иногда мелькала надежда: а вдругъ?... Особенно громко заговорила она, когда пришли извѣстія о первыхъ успѣхахъ 18 іюня. Какъ-то сами собою начались народныя манифестаціи и кадетскіе зеленые плакаты снова появились на улицахъ Петрограда. Послѣдніе радостные петроградскіе дни... Длilись они не долго, смѣнившись вѣстями о разгромѣ, о Тарнопольскомъ и Калушскомъ позорѣ. Громко прозвучалъ голосъ ген. Корнилова, слѣва котораго сталъ военный министръ Б. Савинковъ, а справа — комиссаръ Филоненко.

На авансценѣ металась истерическая фигура А. Ф. Керенскаго. Въ Центральномъ Комитетѣ все чаще и чаще обсуждались различныя министерскія комбинаціи. Основное разногласіе, по прежнему, сводилось къ принципиальному расхожденію во взглядѣ на коалицію съ социалистами. Число противниковъ коалиціи уменьшалось по мѣрѣ того... какъ яснѣе и яснѣе вырисовывался вредъ коалиціи. Объяснялся этотъ парадоксъ очень просто. Дѣло было сдѣлано. Возврата назадъ

уже не существовало. Коалиція связала партію и внѣ коалиціи уже не представлялось возможности политической дѣятельности. Вино было раскупорено, его надо было пить.

За сотрудничество съ социалистами особенно стояла «Москва» и «провинція». Лидеромъ этой части партіи являлся Н. М. Кишкинъ, уже въ то время рассчитывавшій убѣдить Керенскаго перебраться съ правительствомъ въ Москву, чтобы, высвободившись изъ подъ вліянія Совѣтовъ, сдѣлать послѣднюю попытку оздоровленія демократической Россіи. Московское направленіе считалось въ партіи болѣе «лѣвымъ». Въ немъ видѣли и выраженіе голоса «провинціи», черноземной Руси. Все это были иллюзіи. Московское направленіе также не имѣло за собой никакой силы, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, рассчитывавшихъ заговорить или обойти стихію. А она шла своимъ путемъ.

Кстати. Социалисты и большевики вели въ то время агитацію противъ кадетъ, какъ партіи не только буржуазной, что, конечно, справедливо, но и капиталистической, что было полной неправдой. «Долой министровъ-капиталистов!» — кричала толпа, требуя отставки Шингарева и Кокошкина. Къ сожалѣнію, между капиталистами и кадетами связи не было. Ея не образовалось до революціи. Только лѣтомъ начались попытки болѣе тѣснаго сближенія, и представители московской торгово-промышленной группы изрѣдка появлялись въ засѣданіяхъ Центр. Комитета. Партія, какъ была, такъ и осталась до самаго конца интеллигентской. Она встрѣтила живой откликъ въ мелкой и средней городской буржуазіи, осторожно обошла капиталистическіе верхи и не смогла сдѣлать себѣ опоры изъ крестьянъ-собственниковъ. Между тѣмъ, только оттуда она могла почерпнуть настоящую силу.

Въ свое время я былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ въ партіи, рѣшавшимся утверждать, что «столыпинскіе хуторяне» должны быть сдѣланы партійнымъ фундаментомъ. Высказываніе этой ереси причинило мнѣ не мало неприятныхъ минутъ и не разъ заставляло подумывать объ уходѣ изъ партіи. Ошибка была не въ самой мысли — нынче нѣтъ кадета, который бы ея не раздѣлялъ, — а въ допустимости иллюзіи, что наличный составъ верховъ партіи, подбиравшихся долгимъ историческимъ процессомъ, способенъ эту мысль осуществить. Съ этой точки зрѣнія я признаю правильными упреки социалистовъ въ отсутствіи у кадетъ достаточной «демократичности». Да, было много «барскаго» въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ слова.

* * *

Корниловскіе дни я провелъ въ Эстляндской губерніи, куда ѣздилъ за семьей въ виду упорныхъ слуховъ о предстоящемъ занятіи края нѣмцами. Въ маленькомъ эстонскомъ городкѣ Гапсалѣ я могъ наблюдать, какъ революція, довершая дѣло войны, расшатывала государственныя скрѣпы Россіи и подготовляла мѣстные сепаратизмы.

Съ 1910 г. ежегодно мы проводили по нѣсколькимъ лѣтнимъ недѣлямъ въ этомъ чистенькомъ эстонскомъ городкѣ, и я могъ слѣдить за кривой народныхъ настроеній. Эстонцы относились къ русской власти и къ русскимъ вполне лояльно, да и власть и русское населеніе ничѣмъ вражды эстонцевъ къ себѣ не вызывали. Только на желѣзныхъ дорогахъ преобладали русскіе, но во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ было очень много чиновниковъ-эстонцевъ и эстонскій крестьянинъ и на

почтѣ, и у воинскаго начальника, и въ казначействѣ, и у нотаріуса могъ объясняться на своемъ языкѣ. Русская власть являлась народу въ демократическомъ облаченіи защитника отъ нѣмецкихъ бароновъ. Эстонскія газеты, общества, научно-литературныя и спортивныя, политическія партіи, митинги — все это въ довольно широкихъ, по нынѣшнему, размѣрахъ было доступно эстонцамъ. Количество русскихъ въ краѣ медленно, но постепенно росло: они занимались ремеслами и кое-какой торговлей. Часть эстонцевъ исповѣдовала православную вѣру и въ Гапсальскомъ соборѣ шла двойная служба: на славянскомъ и на эстонскомъ языкахъ.

При объявленіи войны все симпатіи эстонскаго населеніе были на сторонѣ Россіи. Кое-гдѣ начинались даже преслѣдованія нѣмцевъ, на почвѣ шпіономаніи. Надо отдать справедливость тогдашнему эстляндскому губернатору — онъ сдерживалъ эти проявленія національной вражды къ нѣмцамъ, выражавшейся у эстонцевъ вообще значительно слабѣе, чѣмъ у латышей.

Но военныя пораженія, съ одной стороны, начинавшійся еще до революціи распадъ армій, съ другой, дѣлали свое дѣло. Въ 1916 году я видѣлъ уже явные признаки недовольства населенія русскими солдатами. Кражи въ Эстляндіи были явленіемъ очень рѣдкимъ. Въ Гапсалѣ еще въ 1912—1913 годахъ — не повѣрять! — можно было всей семьей уйти изъ дому, не заперевъ дверей. Наши солдаты быстро отучили отъ этого. Они крали картошку и овощи съ огородовъ, обирали фруктовые сады, растаскивали заборы на топливо. Они не только брали для собственныхъ нуждъ, но ломали и разрушали все, точно для процесса разрушенія, чтобы ни себѣ и ни другимъ. Занятые ими для постоя дома они оставляли въ ужасномъ видѣ, приводившемъ эстонцевъ въ отчаяніе. Дома превращались въ сплошные клоповники съ выломанными рамами, сожженными дверьми, разрушенными полами и печами.

— Почему — жаловалась мнѣ одна эстонка — русскій солдатъ не можетъ перепилить полѣно, а старается разбить печь, чтобы оно влѣзло?

Въ 1917 г. во время революціи, когда дисциплина рѣзко пала и офицеры лишились своего вліянія, эстонское населеніе стало прямо панически бояться русской армій, своей защитницы. Слонявшіяся толпы солдатъ съ разстегнутыми воротами рубахъ, съ шинелями въ накидку, поплеывающихъ вокругъ себя неизбежными сѣмечками, наводили страхъ. Жители запирались на запоры, старались сидѣть дома послѣ сумерекъ, не выпускали однѣхъ дѣвочекъ. Каждую ночь происходили кражи, слышались по ночамъ крики, раздавались выстрѣлы. Въ тихомъ эстонскомъ городкѣ, въ которомъ убійство служило предметомъ многолѣтнихъ толковъ и воспоминаній, оно сдѣлалось явленіемъ обычнымъ, грозившимъ каждому. Въ іюль и августъ 1917 г. населеніе Гапсаля, какъ и всей Эстляндской губерніи, опредѣленно и нетерпѣливо ждало прихода нѣмцевъ, какъ избавителей, и создавало отряды самообороны, ячейки эстонскихъ войскъ.

Ген. Корниловъ былъ самымъ популярнымъ генераломъ... среди мирнаго населенія, но не среди войскъ, по крайней мѣрѣ тыловыхъ, которыхъ я наблюдалъ. Гапсальскіе солдаты его ненавидѣли, но и боялись. Боязнь, впрочемъ, скоро прошла, какъ только Керенскій и Совѣты объявили генерала измѣнникомъ. Притихшіе на минуту солдаты встрепенулись, пошли митинги, по адресу генераловъ и офицеровъ неслась ожесточенная брань. Никогда не забуду, что переживали въ то время офицеры, жившіе въ Гапсалѣ иногда съ семьями. Жены ихъ, на ряду съ мѣстными обывателями, молили Бога о скорѣйшемъ пришествіи нѣмцевъ. Занятіе острововъ возвѣщалось ежедневно. Нѣмцы заставили, однако, эстонцевъ подождать еще пять недѣль.

Мы выѣхали за день до разрушенія пути правительствомъ въ виду выступленія ген. Корнилова. Нашъ поѣздъ проскочилъ въ Петроградъ послѣднимъ, зато мы лишились всего бѣлья и платьевъ, украденныхъ желѣзнодорожниками по прибытіи багажа въ Петроградъ. Желѣзнодорожники тогда совершенно перестали стѣсняться, и кражи багажа сдѣлались зауряднымъ явленіемъ. Впрочемъ, черезъ годъ, уже при большевикахъ, въ маѣ или іюнѣ 1918 г., за чемоданъ и корзину мнѣ были выданы 200 рублей керенками при соответствующей перепискѣ. Какъ долго еще, несмотря на «реформы» Некрасова, на политическіе перевороты, продолжалъ работать почти прежнимъ темпомъ и порядкомъ старый технико-бюрократическій желѣзнодорожный аппаратъ! Долго надо было трудиться, чтобы разбить его до конца. Много усилій надо было для того, чтобы даже четыре года воевавшую Россію довести до голодовокъ и людоедства...

* * *

Насыщенный эстляндскими впечатлѣніями, я пріѣхалъ въ Петроградъ съ совершенно опредѣленнымъ мнѣніемъ о выступленіи ген. Корнилова. Оно совпало съ мнѣніемъ большинства членовъ партіи. Всѣ высоко цѣнили личность ген. Корнилова, но считали его попытку осужденной на неуспѣхъ. Нѣкоторые думали, что дѣло кончилось бы иначе, если бы «струсившіе» Керенскій и Савинковъ не «предали» спровоцированнаго ими генерала. Среди части либеральной интеллигенціи съ большимъ довѣріемъ относились къ слухамъ, будто Керенскій и Савинковъ знали о планахъ ген. Корнилова, сочувствовали ему, подталкивали даже, пока Гоцъ, Церетели и другіе руководители Совѣта не принудили Керенскаго объявить генерала измѣнникомъ.

Послѣ неудачи Корниловскаго движенія началась агонія Временнаго Правительства. Не знаю, насколько вѣрны слухи, будто крайніе правые помогали большевикамъ его низвергнуть. Достоверно, что очень много бывшихъ полицейскихъ, жандармовъ и тайныхъ агентовъ вошли въ ряды большевиковъ. Несомнѣнно также, что съ того времени въ кругахъ правыхъ и умѣренныхъ начали крѣпнуть нѣмецкія симпатіи и желаніе мира, хотя бы сепаратнаго. Въ печати много писалось о позорѣ и низости сепаратнаго мира. Эта фраза сдѣлалась трафаретомъ для всѣхъ выступленій ораторовъ, отъ правыхъ до совѣтскихъ социалистовъ. Но на самомъ дѣлѣ — надо признать это — тутъ было не мало благочестивой лжи. Въ частныхъ бесѣдахъ у многихъ проглядывала тоска по нѣмцамъ, водворяющимъ порядокъ. Всѣ жаждали мира. Иногда повторяли злыя слова, что союзники готовы воевать до послѣдней капли крови русскаго солдата.

Отъ недавняго еще восторга передъ Керенскимъ не осталось и слѣда. И справа, и слѣва, и въ центрѣ — его либо ненавидѣли, либо презирали. Въ народѣ пользовались большимъ успѣхомъ пущенные съ обоихъ крайнихъ фланговъ рассказы, сколько милліоновъ Керенскій получилъ отъ союзниковъ за наступленіе. Обывательскую массу особенно раздражало, что Керенскій поселился въ Зимнемъ Дворцѣ, спитъ въ царской кровати и проч. Интеллигентскіе круги, близкіе къ правительству, язвительно называли А. Ф. Керенскаго новой Александрой Федоровной, намекая на его чисто женскую истеричность. Военные ненавидѣли его за ген. Корнилова и другихъ «быховскихъ» узниковъ.

3 Сентября, явно предвосхищая волю Учр. Собранія, Керенскій объявилъ Россію республикой. На это никто не обратилъ никакого вниманія. Черезъ два

дня послѣ этого, впервые, Петроградскій Совѣтъ р. и с. д. принялъ предложенную большевиками резолюцію. А еще черезъ 10 дней тотъ же Совѣтъ избралъ своимъ предсѣдателемъ услужливо выпущеннаго Керенскимъ изъ тюрьмы Л. Троцкаго. Чхеидзе и Церетели поѣхали къ себѣ на родину, чтобы тамъ, цѣною предательства, основать самостоятельное государство, въ которомъ русскіе были сдѣланы гражданами второго разряда.

Режимъ погибалъ при всеобщемъ къ нему отвращеніи. Ясно было, что никто пальцемъ не шевельнетъ въ его защиту, а Керенскій продолжалъ успокаивать близко стоявшихъ къ нему Н. М. Кишкина и В. Д. Набокова, что все мѣры приняты и онъ ждетъ выступленія большевиковъ, чтобы рѣшительно съ ними расправиться. Когда Н. М. Кишкинъ и В. Д. Набоковъ передавали Центр. Комитету партіи эту информацію, большинство только пожимало плечами. Кого Богъ захочетъ погубить, у того сначала отыметъ разумъ. Слѣпой поводырь тянулъ за собой въ яму другихъ, всю Россію.

Характерная подробность! Вскорѣ послѣ разгрома Корнилова, большевики устроили такое откровенное и назойливое шпионство за Клубомъ партіи народной свободы на Французской набережной, что пришлось прекратить открытое устройство тамъ засѣданій Центр. Комитета. Мы собиравлись въ разныхъ мѣстахъ полу-конспиративно, памятуя, что и во время бунта 3 іюля большевики одной изъ первыхъ мѣръ ставили захватъ кадетскаго центра.

* * *

Захватъ власти большевиками 25 октября въ первые дни на широкие круги петроградскаго населенія не произвелъ никакого впечатлѣнія. Мнѣ всегда припоминался этотъ фактъ, когда я читалъ въ документахъ временъ Французской Революціи свидѣтельства, что въ день казни Людовика XVI три четверти Парижа не знало объ этомъ событіи. Впрочемъ, когда лѣтомъ 1918 г. въ московскихъ газетахъ появились извѣстія о разстрѣлѣ Николая II, русское общество отнеслось и къ этому совершенно равнодушно. Обстрѣлъ Зимняго Дворца съ «Авроры», засѣданіе гор. думы, попытка гласныхъ ночью двинуться ко Дворцу — все это задѣвало очень тѣсный кругъ людей.

Въ слѣдующіе за 25-мъ октября дни, въ связи съ разгромомъ виновныхъ лавокъ, обиліемъ пьяныхъ на улицахъ, стрѣльбой и опасеніемъ погромовъ, настроеніе стало болѣе возбужденнымъ. Слухи о движеніяхъ на большевиковъ Керенскаго, Савинкова, Краснова живо подхватывались населеніемъ, въ огромной массѣ враждебнымъ захватчикамъ. Къ нимъ относились полу-иронически. Передавались забавные рассказы, какъ ихъ встрѣчали въ министерствахъ, какъ организовывали они тамъ работу при помощи курьеровъ и швейцаровъ въ виду саботажа остальныхъ чиновниковъ. Мало кто вѣрилъ, что эта оперетка продлится болѣе двухъ-трехъ недѣль. Многие изъ захватчиковъ сами были на смерть перепуганы тѣмъ, что сдѣлали. Зиновьевъ, Луначарскій, Рыковъ, Милютинъ и др. пользовались первымъ попавшимся случаемъ, чтобы, ссылаясь на разногласія съ большинствомъ своего Центр. Комитета, уклониться отъ власти и отвѣтственности. Не дрогнули Ленинъ, Троцкій, нѣсколько рядовыхъ военныхъ, входившихъ въ составъ Военно-Революціоннаго комитета.

Я не раздѣлялъ всеобщаго оптимизма, такъ какъ давно считалъ неизбѣжнымъ пришествіе большевиковъ. Въ первые же дни, помню, обратилъ вниманіе на то,

что большевикамъ удалось охранить общественный порядокъ и обезпечить снабженіе горожанъ хлѣбомъ. Они безпощадно разстрѣливали пьяныхъ и мародеровъ, героически уничтожали склады водки и винъ и добились того, что октябрьскія событія вначалѣ не сопровождались въ городѣ какими-либо чрезвычайными безчинствами, грабежами и убійствами. Зато въ провинціи и, особенно, въ арміи отголосокъ получился ужасный. Занятые борьбой съ разгромами винныхъ лавокъ, дипломатіей со съѣздами совѣтовъ, и въ особенности съ крестьянскимъ, гдѣ Ленинъ умѣло использовалъ лѣвыхъ эсъ-эровъ, большевики въ первые дни не могли организовать систематическаго преслѣдованія своихъ политическихъ противниковъ.

Движеніе Керенскаго на столицу скоро закончилось позорнымъ крахомъ. Казаки держали нейтралитетъ. Слабыя попытки юнкеровъ, преданныхъ на закланіе, были безъ труда подавлены большевиками. Уличное спокойствіе въ Петроградѣ возстановилось. По мѣрѣ того, какъ милитарно большевики укрѣплялись, усиливались и политическія преслѣдованія. Раньше всего члены Центрального Комитета партіи народной свободы были объявлены «врагами народа» и находящимися «внѣ закона». По смыслу воззваній каждый могъ насъ безнаказанно убить. П. Н. Милюковъ и нѣкоторые другіе лидеры выѣхали изъ Петрограда. Наши министры еще сидѣли въ тюрьмѣ, хотя министры-соціалисты и были освобождены. Но засѣданія Центр. Комитета еще не прекратились. Они только стали совершенно конспиративными. Въ какой мѣрѣ, однако, мы не ясно понимали еще положеніе вещей, видно изъ того, что на каждомъ изъ этихъ конспиративныхъ засѣданій присутствовалъ секретарь, составлявшій обширные протоколы. Эти протоколы переписывались нашими барышнями и въ декабрѣ чуть-чуть не вызвали катастрофу. Въ то время А. И. Шингаревъ былъ уже арестованъ и сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Наши партійныя барышни имѣли возможность посѣщать его, приносить ему передачи, ѣду, цвѣты. Одна изъ нихъ, дочь виднаго профессора-экономиста, передала какъ-то А. И. Шингареву по ошибкѣ вмѣсто пирога довольно толстую пачку протоколовъ, тоже завязанную въ бумагу. Стража, развернувъ этотъ «пирогъ», передала его не арестанту, а крѣпостному начальству. Вѣроятно, въ протоколахъ этихъ ничего криминальнаго не оказалось, такъ какъ никакихъ результатовъ весь инцидентъ не имѣлъ. Намъ всѣмъ пришлось, однако, пережить очень непріятныя минуты, а виновница «недоразумѣнія» была близка къ нервному разстройству, когда вскорѣ въ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ» появилась глухая замѣтка, что въ руки властей попали документы, уличающіе кадетовъ... «Извѣстія» и «Правда» неоднократно печатали такого рода торжественныя сообщенія объ уличающихъ кадетскую партію документахъ. Все это оказывалось сущимъ вздоромъ — о кн. Кекуатовой, къ кадетамъ отношенія не имѣвшей, о черносотенномъ приватъ-доцентѣ Г., нелѣпыя измышленія о подкупѣ кадетами пьяницъ для разгрома винныхъ лавокъ и т. д.

Члены Ц. К. продолжали еще работать тайно, а городскія партійныя учрежденія дѣйствовали даже открыто, хотя въ отдѣльныхъ районахъ мѣстные совдепы въ порядкѣ полу-разбойничьихъ набѣговъ и громили ихъ, уничтожая литературу, захватывая, какъ добычу, пишущія машинки и мебель. Не былъ формально закрытъ и партійный клубъ на Французской набережной. Къ общей ликвидаціи партійныхъ учреждений большевики, повидимому, еще не рѣшались приступить. Предстояли, вѣдь, выборы въ Учред. Собраніе, а однимъ изъ поводовъ къ низверженію «Временнаго Правительства» большевики въ началѣ выставляли обвиненіе въ затягиваніи созыва «Учредилки».

Моя работа носила, главнымъ образомъ, характеръ литературный. Выходила подъ разными названіями «Рѣчь». Существовало при Центр. Комитетѣ «литературное бюро» для снабженія статьями провинціальныхъ газетъ. Передъ самыми выборами въ Петроградѣ, среди всеобщаго молчанія, такъ какъ большевики къ этому моменту закрыли все газеты, мнѣ съ А. В. Тырковой удалось выпустить три номера боевой газеты «Борьба». Появленіе ея произвело на улицахъ большой эффектъ. Большевики гонялись за продавцами, рвали и уничтожали газеты, арестовывали мальчишекъ. Но до того еще плохо была у нихъ организована полицейская часть, что только послѣ выхода третьяго номера, они разузнали, гдѣ газета печатается. Когда отрядъ красноармейцевъ съ параднаго входа заходилъ въ помещеніе съ орденомъ на закрытіе газеты и арестъ редакторовъ, я — по черному успѣлъ еще уйти изъ типографіи. Полицейскому искусству г. г. большевики научились довольно скоро. При дальнѣйшихъ обыскахъ и арестахъ они всегда прежде всего справлялись у домового уполномоченнаго, сколько въ домѣ выходовъ и спѣшили занять стражей все. Но даже петроградскимъ чекистамъ потребовалось два года, чтобы догадаться о необходимости останавливать автомобиль за одинъ-два квартала до мѣста обыска. Гудѣніе автомобиля среди жуткой тишины петроградскихъ улицъ неоднократно предупреждало намѣченныя жертвы, спѣшившія принять необходимыя мѣры.

Наблюдалъ я, какъ большевики практически обучались искусству «полиціи прессы».

И тутъ, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, они довольно скоро догадались, что лучше царскихъ учрежденій не выдумаешь. Володарскій, Лисовскій, Харитоновъ на разные лады копировали начальниковъ Управленія по дѣламъ печати Феоктистова, Соловьева, съ разной степенью наглости и невѣжества. Они пытались возстановить даже знаменитую 144-ую статью сначала въ видѣ совѣта не касаться того или другого вопроса, а затѣмъ и прямого приказа. Даже соловьевская мысль о назначеніи редакторовъ была воспринята коммунистическимъ начальствомъ. Штрафы во все увеличивающемся размѣрѣ стали однимъ изъ любимыхъ орудій воздѣйствія на печать. Коммунистическіе цензора очень быстро сообразили и то, что надо бороться съ «духомъ» газеты, съ «подборомъ» фактовъ, съ «тономъ» отношенія къ новой власти. Можно было и порицать, но это должно было дѣлаться съ оттѣнкомъ уваженія, а, главнымъ образомъ, безъ скрытой подоплеки: «мы» и «они». У коммунистовъ-интернаціоналистовъ самое страстное желаніе сводилось къ тому, чтобы враждебная имъ печать обращалась съ ними, какъ съ властью національной. Первый десятитысячный штрафъ (тогда еще очень большая сумма) наложенъ былъ на «Нашъ Вѣкъ» за мою передовицу, въ которой говорилось, что коммунистическія мѣропріятія по домовладѣнію приведутъ только къ единственному результату, къ замѣнѣ русскихъ домовладѣльцевъ иностранными капиталистами.

Такъ какъ въ этомъ, важнѣйшемъ для коммунистовъ, пунктѣ имъ не удавалось поработить печать, продолжавшую намеками и тономъ, подчеркиваніемъ интернаціоналистской словесности возжей, отрицать за коммунистической властью характеръ національной, то ни о какомъ длительномъ существованіи независимой печати не могло быть и рѣчи. Десятитысячные штрафы смѣнились сотысячными. Монополизацией объявленій, вмѣшательствомъ въ снабженіе изданій бумагой, давленіемъ типографскихъ рабочихъ было сдѣлано невозможнымъ появленіе новыхъ газетъ. Старыя закрывались одна за другой. Но нѣкоторыя все-таки держались и, несмотря на отсутствіе доходовъ отъ объявленій, существовали только розничной продажей. Обыватель платилъ въ четыре-пять разъ дороже,

но не желалъ брать въ руки коммунистической газеты. Последняя не могла выдержать конкуренціи ни съ какой, даже самой скверной газетой, но носившей хотя бы обликъ независимости. Было какъ-то время, когда большевики закрыли всѣ газеты, кромѣ «Петербургской Газеты», въ которой нѣкій художникъ Оома Райлянъ съ большимъ цинизмомъ и наглостью, подѣлываясь подъ коммунистическій стиль, восхваляя Ленина и Троцкаго, ругательски ругая Керенскаго и Милюкова, проводилъ, въ сущности, черносотенныя и антисемитскія идеи. Газетка сразу побила рекордъ и стала далеко впереди всѣхъ совѣтскихъ изданій. Коммунистическія власти, испугавшись, прихлопнули и ее.

«Теченія» среди правящихъ коммунистическихъ круговъ мѣнялись очень часто. Временами, когда властямъ грозила какая либо особая опасность, они прикрывали всю некоммунистическую печать, но сначала «временно». Затѣмъ, когда эта власть, болѣе чѣмъ всякая другая склонная къ паникѣ, нѣсколько «отходила», она разрѣшала тѣ или иные изданія. Но какія? Тутъ-то и шла борьба мнѣній. Одни стояли за разрѣшеніе печати бульварной, безпринципной и порнографической, но безпартійной и аполитичной. Другіе, наоборотъ, стояли за необходимость оставленія только «серьезной политической печати» съ полнымъ упраздненіемъ бульварной. Была, напр., недѣля или двѣ, когда въ Петроградѣ выходилъ одинъ кадетскій «Нашъ Вѣкъ», всѣ другія изданія были закрыты, и коммунисты очень гордились своимъ либерализмомъ... Этотъ «либерализмъ» былъ таковъ, что нашъ редакторъ М. И. Ганфманъ, чрезвычайно выдержанный и осторожный человѣкъ, прекрасно изучившій «духъ» всѣхъ безчисленныхъ цензурныхъ режимовъ въ Россіи съ 90-хъ годовъ XIX вѣка, неоднократно вздыхалъ: хоть бы закрыли... Коммунистическій «либерализмъ» не выдержалъ переворота, произведеннаго гетманомъ Скоропадскимъ на Украинѣ. Снова вся газетная печать была закрыта. Затѣмъ, недѣли черезъ двѣ новый припадокъ либерализма. «Нашъ Вѣкъ» снова появился въ свѣтъ, пока, въ началѣ августа, испуганная коммунистическая рука не придавила его окончательно. Нѣкоторое время пытались выходить еще разные журналы и журнальчики. Овладевъ типографіями, совѣтская власть добралась и до нихъ. Съ конца 1918 до середины 1921 г. въ Россіи царилъ полный коммунистическій рай: кромѣ коммунистической — періодической печати никакой. И такъ она надоѣла и опротивѣла даже самимъ коммунистамъ, что и тѣ были рады, когда вмѣстѣ съ «Нэпомъ» стало воскресать подобіе независимой печати, хотя бы въ видѣ чисто-литературныхъ журнальчиковъ. Первый блинъ, впрочемъ, вышелъ комомъ. Получено было разрѣшеніе на выпускъ еженедѣльной «Литературной Газеты.» Но какой-то типографскій шпионъ доставилъ корректурныя гранки предполагавшагося перваго номера въ Чеку. Тамъ прочли передовицу о Дельвиговской «Литературной Газетѣ», не выдержавшей гнета Николая I, усмотрѣли въ ней недозволительные намеки и послали отрядъ чекистовъ съ приказомъ разбить стереотицы, уничтожить матрицы и отобрать разрѣшеніе на выпускъ. Такъ «Литературная Газета» и не вышла.

Русскіе литераторы живучи. Они еще понизили свой тонъ, перешли на языкъ Николаевской прессы временъ Бутурлинскаго Комитета, стали сводить все на беллетристику и литературную критику. Коммунисты ввели прямую предварительную цензуру. Нѣсколько журналовъ все-таки появились на свѣтъ Божій, пока въ августѣ 1922 г. не было принято рѣшеніе всю старую литературу и вообще всѣхъ писателей, не вѣрующихъ въ Маркса и его «Капиталъ», выслать за-границу.

*

*

*

Съ окончаніемъ выборовъ въ Учр. Собраніе большевики прикончили и послѣдніе остатки открытой политической дѣятельности въ Петроградѣ. Центральный партійный клубъ и районныя отдѣленія были закрыты, разгромлены. Имущество расхищено. Нахожденіе при обыскахъ партійнаго кадетскаго билета становилось уже дѣломъ опаснымъ. Всѣ сколько-нибудь замѣтные кадеты вынуждены были скрываться, не почевать дома. Выходилъ только время отъ времени «Нашъ Вѣкъ», при чемъ періоды закрытія, чередовавшіеся съ періодами выхода газеты въ свѣтъ, становились все длиннѣе. И все-таки партійные работники находили возможность иногда выступать, читая лекціи, доклады, безъ подчеркиванія партійной марки.

Мы вошли въ стадію похоронъ. Хоронили Г. В. Плеханова, хоронили Учредительное Собраніе, легальную политическую работу, Кокошкина и Шингарева, хоронили Россію — послѣ Брестскаго мирнаго договора . . .

На похоронахъ Г. В. Плеханова рядомъ со мной, несшимъ зеленый кадетскій вѣнокъ, шла маленькая депутація отъ Союза Михаила Архангела, обращающая на себя всеобщее вниманіе. Двое юношей сложивъ стуломъ кисти своихъ рукъ, несли небольшой крестъ, красиво перевитый зеленымъ плющомъ. На крестѣ надпись:

Русь диктовала-бъ миръ своимъ врагамъ въ Берлинѣ,
Когда-бъ народъ нашъ шелъ путемъ, указаннымъ тобой.

В. Пуришкевичъ.

За двумя юношами съ крестомъ шла еще пара смѣнщиковъ.

Красныхъ вѣнковъ, красныхъ лентъ, красныхъ цвѣтовъ и красныхъ знаменъ на похоронахъ было очень много. Нѣсколько зеленыхъ кадетскихъ вѣнковъ и флаговъ тонули въ этомъ красномъ морѣ. Но рабочихъ не было на похоронахъ отца русской социаль-демократіи. Рабочіе не пришли демонстративно. Приказъ коммунистовъ оказалъ поразительное дѣйствіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по приказу тѣхъ же коммунистическихъ вождей на похоронахъ Володарскаго были не только войска всѣхъ родовъ оружія, чуть ли не весь петроградскій гарнизонъ, но и многія десятки тысячъ рабочихъ пришли проводить трупъ молодого, никому неизвѣстнаго еврея, съ годъ тому назадъ прибывшаго изъ Америки. Когда я слышалъ разговоры о классовомъ самосознаніи русскаго пролетаріата, я всегда припоминалъ врѣзавшееся въ мой мозгъ сопоставленіе двухъ похоронъ. Обо многомъ свидѣтельствуетъ оно, давая яркіе штрихи для характеристики психологіи русскаго рабочаго, но о классовомъ самосознаніи во всякомъ случаѣ не говоритъ.

Еще болѣе печальной вышла январская демонстрація въ честь Учредительнаго Собранія. Люди дѣлали видъ, что не то торжествуютъ, радуются и привѣтствуютъ «сбывшуюся, наконецъ, столѣтнюю мечту русской интеллигенціи», не то «готовятся къ бою», а на самомъ дѣлѣ хоронили . . . идею Учредительнаго Собранія по всеобщему, прямому, равному и тайному.

Не безъ большихъ усилій удалось собрать со всего Петрограда 50—60 тысячъ человекъ, рѣшившихся шествовать по петроградскимъ улицамъ, несмотря на угрозу большевистскихъ штыковъ и пулеметовъ. Среди этихъ демонстрантовъ было тысячъ десять и рабочихъ, выступавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Но основную массу вышедшихъ на улицу людей составляла интеллигенція, студенчество разныхъ школъ. Не знаю, какъ держали бы себя эти совершенно безоружные демонстранты, если бы сбылись упорные толки о готовившемся на то же время вооруженномъ выступленіи социалистовъ-революціонеровъ «для поддержки Учредительнаго Собранія». Хотя назывались и имена полковъ, будто бы рѣшившихъ «выступить», и названія заводовъ, уже выславшихъ свои боевыя дружины, я отлично

помню, какъ за всѣ четыре часа, проведенные въ рядахъ манифестантовъ, у меня ни на одну минуту не было сомнѣнія, что ничего не будетъ, что это только торжественные похороны по первому разряду. Въ толпѣ не чувствовалось ни малѣйшаго энтузіазма. Огонь жертвеннаго самозакланія не вѣялъ надъ толпой, хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣча ея съ большевистскими отрядами сопровождалась стрѣльбой съ убитыми и ранеными. За «Учредительное Собраніе» не хотѣли умирать. Эта идея не была идеей-силой. Когда раннимъ утромъ слѣдующаго дня В. М. Черновъ по приказу матроса Желѣзнякова послушно покинулъ председательское мѣсто и, сопровождаемый остальными депутатами, пошелъ въ ночной темнотѣ бродить по петроградскимъ сугробамъ, отыскивая, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ, онъ наложилъ лишь послѣдній штрихъ на картину.

Столѣтняя мечта нѣсколькихъ поколѣній интеллигенціи. Что съ нею стало! Въ какомъ видѣ она осуществилась! И не было возможности въ утѣшеніе себѣ сослаться даже на какого-либо Столыпина. Все сдѣлали кронштадтскіе матросы, тѣ, которые въ 1905 и 1906 годахъ умирали за Учредительное Собраніе. Знали ли они тогда, за что умирали?

*

*

*

Раннимъ утромъ на слѣдующій день я вышелъ прогуляться. Помѣщеніе редакціи было недалеко и какъ-то незамѣтно я очутился на ул. Жуковскаго. Неожиданно на встрѣчу попадаетея замѣщавшій редактора М. И. Ганфманъ. На немъ лица нѣтъ.

— Идемте вмѣстѣ. Кажется, случилось большое несчастье.

— Въ чемъ дѣло?

— Сторожъ изъ Маріинской больницы только что прибѣжалъ въ редакцію и говоритъ, что тамъ ночью убили министровъ-кадетъ. Мнѣ дали знать.

М. И. Ганфманъ жилъ въ двухъ шагахъ отъ редакціи, Маріинская больница помѣщается тутъ же. Черезъ минуту мы уже были въ больницѣ и узнали отъ сестры, что ночью, когда недавно перевезенные А. И. Шингаревъ и Ф. Ф. Коккошкинъ уже спали, въ больницу ворвалось нѣсколько вооруженныхъ людей, прошли къ нимъ въ комнаты, взявъ фонари, и выстрѣлами изъ револьверовъ убили обоихъ. Насъ повели въ мертвецкую, куда уже снесли голые трупы. Они не были еще ничѣмъ прикрыты. Лицо Ф. Ф. Коккошкина было спокойно: его убили во время сна. А. И. Шингаревъ, видимо, мучился. Это убійство двухъ членовъ Учредительнаго Собранія довершало картину убійства самого учрежденія, долженствовавшаго воплощать народную волю.

Вернувшись въ редакцію, мы вызвали, кого могли. Прежде всего, кажется, гр. Панину. Трупы убитыхъ были обмыты, одѣты, перенесены въ часовню. Вѣсть о преступленіи быстро распространилась по городу. Часовъ съ девяти въ часовнѣ и около больницы толпился народъ. Тутъ же шныряли разные подозрительные субъекты, подслушивавшіе разговоры и агитировавшіе въ кучкахъ:

— Чего жалѣть! Двухъ буржуевъ убили. Всѣхъ бы ихъ такъ. Помогали Керенскому воровать и Россію вмѣстѣ продавали. Шингаревъ, министръ финансовъ, одинъ двѣнадцать милліоновъ взял...

Когда матросу стали возражать, что всѣ эти розказы лживы, что убитые были бѣдные труженники, что Шингаревъ напр. съ большой семьей жилъ на Монетной въ 5 этажѣ въ квартирѣ изъ 4-хъ маленькихъ комнатъ, агитаторъ, точно одержимый, сталъ кричать:

— Известно, прикидывался бѣднымъ, чтобы людей морочить. Знаемъ мы васъ. И вы такіе же, капиталиста-министра защищаете. Всѣхъ васъ кадетовъ давно пора въ штабъ Духонина. Объявлены внѣ закона пролетарской власти, значить, есть за что. Тоже у насъ на верху не глупѣе васъ люди сидятъ . . .

Онъ находилъ въ кучкахъ сочувствующихъ. Спорить съ нимъ становилось небезопасно. Вематривался я въ эти горячіе несправедливо глаза. Слушалъ эти слова, казалось бы красныя по звукамъ, по столь черныя по содержанию. Вспоминалъ мягкій образъ покойника, типичнаго русскаго земскаго врача-безсребренника и народника, во-истину жизнь и душу свою полагавшаго за темный народъ, который за это платитъ ему ненавистью и бессмысленной клеветой. Матросъ на вопросы въ концѣ концовъ отвѣтилъ, что 12 милліоновъ Шингаревъ взялъ отъ союзниковъ за содѣйствіе Керенскому въ устройствѣ наступленія . . .

Непосредственные виновники убійства были тотчасъ же обнаружены и нѣкоторые изъ нихъ даже посажены въ тюрьму. Ленинъ на первыхъ порахъ забилъ тревогу и началъ настаивать на «правосудіи». Но онъ не долго поролъ горячку. Были пущены въ ходъ какія-то пружины, и дѣло совершенно заглохло. Арестованныхъ, непосредственныхъ убійцъ, скоро выпустили. Вдохновителей некая перестали. Тѣ и другіе продолжаютъ и по сію пору служить въ чрезвычайкахъ и не разъ еще обагрятъ свои руки человѣческой кровью. Темные слухи продолжаютъ и по сіе время утверждать, что неизвѣстно, съ чьей стороны, съ лѣвой или съ правой, шло подстрекательство къ убійству. Какъ бы то ни было, коммунисты лишились права попрекать старую власть убійствами Герценштейна и Иоллоса. Не только предательскимъ характеромъ убійства больныхъ людей въ больницѣ, но и цинизмомъ неправосудія и безнаказанности убійцъ правительство Ленина еще на зарѣ своей туманной юности побило всѣ рекорды.

Понятно, въ какой сгущенной атмосферѣ происходили похороны убитыхъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ да духовенство съ епископомъ во главѣ рѣшили проводить покойниковъ до Александро-Невской Лавры и отдать имъ послѣдній долгъ, несмотря на тревожные слухи о предстоящемъ нападеніи на процессію. Слухи не оправдались. Порядокъ все время соблюдался образцовый. Очевидно, власти никакого погрома не желали. Съ 1905 года я имѣлъ возможность неоднократно наблюдать наши уличные беспорядки и пришелъ къ глубокому убѣжденію, что принять сколько-нибудь большіе размѣры они могутъ только при попустительствѣ властей.

Сейчасъ же послѣ похоронъ убитыхъ мы стали готовить сборникъ, посвященный памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. Но выпустить въ свѣтъ удалось только «Дневникъ А. И. Шингарева», начатый имъ въ Петропавловской крѣпости. Большинство статей для сборника были написаны, отправлены въ Москву, тамъ поступили въ наборъ, но книга, вслѣдствіе разгрома «націонализированной» типографіи, появиться не могла.

* * *

Послѣ убійства Шингарева и Кокошкина жить партійнымъ людямъ стало еще труднѣе. Видные кадеты спѣшно разбѣжались. Кто оставался, долженъ былъ прятаться и гримироваться. Ф. И. Родичевъ, напр., принявъ обличье бѣднаго мѣщанина съ густой окладистой бородой, живя непрописанный, съ юморомъ рассказывалъ намъ, какъ онъ въ такомъ видѣ попалъ ночью въ комендатуру

и выскользнулъ оттуда только благодаря благодушію безграмотнаго помощника коменданта. Тотъ размышлялъ, не отправить ли ему арестанта на Гороховую, но рѣшилъ отпустить домой: простой, повидимому, человѣкъ . . .

Начались мирные переговоры. Въ тотъ моментъ, когда Троцкій сдѣлалъ свой жестъ: войны не вести, мира не заключать, въ Петроградѣ ждали пришествія нѣмцевъ и встрѣтили бы ихъ какъ избавителей. Симпатіи къ союзникамъ уступали мѣсто все рѣзче обозначавшемуся нѣмецопоклонству. Помню, какое впечатлѣніе производили рассказы о томъ, какъ Полоцкъ былъ взятъ взводомъ нѣмецкихъ солдатъ съ однорукимъ капитаномъ во главѣ, какъ тысячные отряды красногвардейцевъ бѣжали подъ натискомъ одного нѣмецкаго эскадрона и т. д. Въ печати, гдѣ только возможно было по внѣшнимъ условіямъ, еще продолжали говорить о національномъ позорѣ, о гибели родины, о патріотизмѣ. Но я беру на себя смѣлость утверждать, что кромѣ небольшихъ группъ офицерства и высоко развитой интеллигенціи, никто въ дѣйствительности этихъ чувствъ не испытывалъ. Можно, поэтому, себѣ представить, какъ мало популярны были всѣ попытки, прямо или косвенно имѣвшія въ виду возобновленіе войны съ нѣмцами. Русскій народъ не желалъ больше съ ними восвать, хотя и нашелъ еще въ себѣ силы для междоусобной братоубійственной войны. Какъ ни тяжело это для національнаго достоинства, но ни одинъ правдивый лѣтописецъ начала 1918 г., по крайней мѣрѣ изъ жившихъ тогда въ Петроградѣ, не станетъ отрицать господства въ немъ подобныхъ настроеній.

Къ большевикамъ по прежнему, несмотря на постепенное прекращеніе чиновничьяго саботажа, петроградцы относились съ ненавистью и презрѣніемъ. О власти говорили не иначе, какъ «они». Что тамъ еще «они» выкинули, что выдумали, какое новое злодѣйство совершили? А «они», склонные къ паникѣ и истерикѣ, сами не вѣря, что еще существуютъ, и недоумѣвая, почему это происходитъ, неслись куда-то въ неизвѣстное, повѣривъ въ Ленина и слѣдуя за каждымъ мановеніемъ его руки.

То, о чемъ съ 40-хъ годовъ мечтали славянофилы, чего требовалъ И. С. Аксаковъ въ 1881 г. и что рекомендовалъ въ своихъ первыхъ, еще марксистскихъ, статьяхъ въ «Новомъ Словѣ» 1897 г. П. Б. Струве, чего при всемъ своемъ желаніи не могли осуществить Н. М. Кишкинъ и А. Ф. Керенскій въ сентябрѣ—октябрѣ 1917 г., — то почти безъ затрудненій провели Ленинъ и Троцкій въ 1918 году. Они вернулись, какъ звалъ Ив. Аксаковъ, «домой», перенесли столицу изъ Петрограда въ Москву.

Исторія, вообще, не скупа на шутки. Если социалистамъ она поднесла подарокъ въ видѣ Ленинскаго коммунистическаго государства, то и славянофиловъ она не обидѣла, давъ имъ изъ рукъ того же Ленина и возвращеніе въ «первопрестольную» и торжество древняго исконно-русскаго земско-соборнаго начала надъ гнилымъ западно-европейскимъ конституціоннымъ парламентаризмомъ.

Перенесеніе столицы не вызвало головокружительнаго потрясенія. Все обошлось гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидали. Совѣтскія учрежденія уже въ Петроградѣ привыкли къ постояннымъ переѣздамъ. Переселяться изъ одной квартиры въ другую, не всегда даже успѣвая мѣнять вывѣски соотвѣтственно переименованія, — было однимъ изъ ихъ любимѣйшихъ занятій. Ни особыхъ традицій, ни архивовъ они не накопили. Новое чиновничество было легко-подвижнымъ, старое — частью исчезло, частью притаилось. Освободившіяся за отъѣздомъ въ Москву учрежденія были тотчасъ же, даже въ избыткѣ, возмѣщены другими, дѣйствовавшими въ предѣлахъ то Сѣверной Коммуны, то Петрограда. Чиновничьей безработицы переводъ народныхъ комиссаріатовъ въ Москву не вызвалъ, и все обошлось благополучно.

Разжалованный Петроградъ былъ возглавленъ Зиновьевымъ и сдѣланъ центромъ Сѣверной области или Коммуны. Онъ очутился приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ Москва при генераль-губернаторѣ вел. кн. Сергѣѣ Александровичѣ. Центральные законы дѣйствовали на территоріи Петрограда только съ дозволенія мѣстнаго градоправителя. Что же касается московскаго всероссійскаго начальства, то оно въ Петроградѣ власти вовсе не имѣло. «Намъ Москва не указъ» — отъ зиновьевскихъ чиновниковъ не разъ приходилось слышать такія слова. Петроградъ развивалъ свое коммунистическое законодательство, строилъ свое социалистическое общество. Опъ, такъ сказать, шелъ впереди и былъ реалистичнѣе. Въ Москвѣ бредили всероссійскимъ учетомъ, сочиняли планы, въ силу которыхъ вся страна работала бы по указкѣ изъ Москвы, въ Москву присылала бы все продукты своего труда и изъ Москвы получала бы слѣдующую каждой мѣстности долю. Въ Петроградѣ смотрѣли на дѣло трезвѣе: надо брать откуда только можно, а свой социализмъ проявлять при распредѣленіи, ущемляя буржуя. Петроградъ первый ввелъ распредѣленіе хлѣба «по категоріямъ», при чемъ Зиновьевъ старался лишь какъ можно сильнѣе подчеркнуть то, что было оскорбительнаго въ этой мѣрѣ. Такъ, установивъ 4-ую категорію гражданъ и пообѣщавъ выдавать ей по $\frac{1}{3}$ фунта хлѣба на два дня, Зиновьевъ прибавилъ въ своей рѣчи: мы сдѣлали это для того, чтобы они не забыли запаха хлѣба. Всеобщая трудовая повинность нигдѣ не осуществлялась съ такой бессмысленностью и садизмомъ, какъ въ Петроградѣ. Тамъ иностранцы могли любоваться, какъ пьянистки и скриначки изъ консерваторіи портили себѣ пальцы за непосильнымъ для нихъ трудомъ скалыванія льда съ тротуаровъ. Въ Петроградѣ въ день или наканунѣ какого-то революціоннаго праздника сотни «буржуевъ» были согнаны въ казармы для уборки конскаго и человѣческаго навоза подъ торжествующее гоготаніе солдатъ.

Все эти мѣры однородны и продиктованы были однимъ желаніемъ демагогически поиграть на темнотѣ и злобѣ народной массы, злорадствующей надъ униженіями тѣхъ, кого вчера еще она считала выше себя.

Петроградскіе заводы дали коммунистической партіи численно наибольшіе и качественно наилучшіе ея пролетарскіе кадры. Петроградъ разсылалъ во все стороны боевые и продовольственные отряды, для борьбы съ бѣлыми и для отбиранія у крестьянъ хлѣба. Что же касается производства, то объ этомъ много говорили, но ровно ничего не дѣлали. Кромѣ производства зажигалокъ изъ пустыхъ патроновъ, петроградская промышленность за коммунистическій періодъ ничѣмъ не обогатилась. Да и зажигалки рабочіе готовили крадучись, на вольный рынокъ, изъ ворованнаго казеннаго матеріала, а вовсе не во исполненіе всероссійскаго производственнаго плана, сочиняемаго Лурье-Ларинымъ.

Зато въ ущемленіи «буржуя», въ издѣвательствѣ надъ каждымъ образованнымъ, сморкавшимся въ платокъ и избѣгавшимъ матерщины, человекомъ Петроградъ шелъ впереди, указывая пути и Москвѣ, и всей Россіи. Впрочемъ, дороги были проложены еще раньше... законодательствомъ о евреяхъ. Когда коммунисты стали «строить» свои «домкомбеды», приемы въ низшія, среднія и высшія школы, нормировку квартирной платы, и т. п., они взяли ограничительныя нормы противъ евреевъ и примѣнили ихъ ко всемъ «буржуямъ» въ самомъ распространительномъ и произвольномъ толкованіи слова. «Буржуй», какъ извѣстно, не могъ быть предсѣдателемъ домового комитета, а въ члены комитета допускался по проценту, какъ и въ школы. Квартирная плата съ «буржуя» бралась въ размѣрѣ отъ двухъ до десяти разъ большею, чѣмъ съ пролетаріевъ и совработниковъ.

Такъ же облагались дѣти «буржуевъ» въ школахъ. Для «буржуя» существовали спеціальныя налоги и повинности. А главное, онъ былъ вообще существомъ, не пользовавшимся прямой защитой закона. Законъ примѣнялся къ нему лишь посколькѣ данный буржуй признавался полезнымъ для совѣтскаго государства, а признаніе этой полезности могло быть оспорено каждымъ учрежденіемъ и взято обратно въ каждую минуту. Въ этомъ же административномъ произволѣ заключалась, какъ извѣстно, сущность и русскаго законодательства о евреяхъ.

Таково было направленіе петроградскаго законодательства до самаго послѣдняго момента, т. е. и при «Нэтѣ». Можно легко себѣ представить, что было вначалѣ, въ 1918—1919 годахъ. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ укрѣплялась большевистская власть, ихъ органы политическаго сыска усиливались старыми безработными царскими агентами, ознакомившими коммунистовъ съ прогрессивной техникой дѣла. У большевиковъ въ Че-кѣ появились карточки, схемы, фишки. Увеличивался кругъ людей, подпадавшихъ подъ систематическое наблюденіе. Становилось очевиднымъ, что мое свободное проживаніе въ Петроградѣ подходит къ концу. Кругъ знакомыхъ, остававшихся здѣсь, все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ.

Всякій разъ, когда въ коммунистическихъ газетахъ появлялось сообщеніе о раскрытіи новаго «кадетскаго заговора», встрѣчавшіеся со мной на улицѣ спрашивали:

— Какъ, вы еще здѣсь? Это неблагоразумно . . .

Я и самъ сознавалъ, что неблагоразумно. Но ѣхать за-границу, а оттуда куда-либо въ свободную Россію не было денегъ. Было и другое ощущеніе: я уже давно разочаровался въ союзникахъ, былъ убѣжденъ, что до Россіи имъ мало дѣла и — даже болѣе — сильная Россія кое-кому уже мѣшала. Если бы я былъ каменщикомъ или дровосѣкомъ, я могъ бы добывать себѣ хлѣбъ внѣ всякой политики. Для журналиста это невысказано. Значитъ, пойти къ кому-либо на службу . . . Было тяжело. Рѣшиться на это я не могъ.

Благодаря вмѣшательству нѣмцевъ, Сов. власть официально находилась въ мирныхъ или полу-мирныхъ отношеніяхъ къ Украинской Державѣ гетмана Скоропадскаго. Жена моя — природная малороссіянка, дѣти родились въ Одессѣ — всѣ основанія для переѣзда на Югъ, гдѣ живутъ и родители жены. Надо ѣхать. Но это оказалось не такъ просто. Набережная у Украинскаго Консульства всегда переполнена многосотенными очередями, выстраивающимися съ 7 часовъ утра. Не мало и хорошихъ, и дождливыхъ, и холодныхъ утръ провелъ и я въ этихъ очередяхъ. Приносилъ украинскимъ властямъ и документы (все больше копии, оставляя подлинники у себя на рукахъ, на всякій случай), и фотографическія карточки, платилъ деньги. Всего имъ было мало. Каждый разъ они находили, что еще чего-то не хватаетъ, и я снова долженъ былъ продѣлывать очередную кампанію, сперва на набережной, затѣмъ у дверей, послѣ во дворѣ и, наконецъ, въ самомъ помѣщеніи. Мнѣ такъ и не удалось собрать всѣ нужные документы и я это дѣло бросилъ.

*

*

*

Наступалъ ноябрь 1918 г. по новому стилю. 7-го предполагалось съ особой торжественностью отпраздновать первую годовщину октябрьской революціи.

Программа была объявлена уже за недѣлю. На улицахъ — манифестаціи, шествія, иллюминаціи, передвижные театры подъ открытымъ небомъ, музыка, танцы, фейерверкъ. Митинги. Торжество на Марсовомъ полѣ съ рѣчами на моги-

лахъ жертвъ революціи. Но главное не тутъ. Главное, о чемъ писали въ совѣтскихъ газетахъ и говорили въ публикѣ, сводилось къ тому, что на этотъ день гражданамъ будетъ выдано кромѣ нормальной порціи въ $\frac{1}{4}$ или въ $\frac{1}{2}$ ф. черного хлѣба еще по... бѣлой булкѣ. Въ газетахъ былъ рядъ противорѣчивыхъ сообщеній о томъ, граждане какихъ категорій получаютъ эту булку. Сначала сообщалось, что она будетъ выдана только ѣдокамъ 1-ой и 2-ой категорій. Затѣмъ прибавили, что и гражданамъ третьей категорій булка будетъ выдана, только позже и изъ муки худшаго качества. «Буржуи» 4-ой категорій булки не получаютъ. Солдатамъ она будетъ выдаваться въ казармахъ. О качествѣ булки говорили одни, что она напомнитъ старую пятикопѣчную французскую булку, другіе — что это будетъ старый ситный хлѣбъ съ изюмомъ. Пусть читатель не подумаетъ, что я шаржирую. Нѣтъ, совѣтскіе граждане уже въ то время въ такой мѣрѣ были ошарашены свалившимся на ихъ голову социалистическимъ строительствомъ и голодовкой, что объ этой «бѣлой булкѣ», дѣйствительно, говорили днями, старательно комментируя все свѣдѣнія совѣтской печати...

Городъ украшался, конечно, въ красный цвѣтъ. Все было затянуто красными полотнами. Футуристы выставили какіе-то плакаты: ноги шли отдѣльно, голова оставалась позади, руки, тоже независимо отъ туловища, болтались гдѣ-то наверху. Было красиво и красно. Особенно запомнился мнѣ огромный красный колпакъ, надѣтый на думскую каланчу: точь въ точь какъ у клоуновъ въ циркѣ. Колпакъ съ широкими полями, только все въ огромныхъ размѣрахъ.

Полюбоваться самимъ празднествомъ мнѣ не удалось. Въ ночь на 5-ое ноября къ дому подъѣхалъ автомобиль. Минуты черезъ три у меня уже были гости: студентъ-психоневрологъ, два-три комиссара изъ матросовъ, четверо солдатъ. Начали рыться въ бумагахъ, которыхъ у меня было не мало: рукописи, корректуры, оттиски журнальныхъ статей.

Ревностный студентъ отбираетъ все и откладываетъ въ сторону. Набралась уже цѣлая гора.

— Что вамъ собственно надо? Вѣдь это, большею частью, авторскіе оттиски статей, напечатанныхъ лѣтъ 10—15 тому назадъ, а то и раньше.

— Они намъ и нужны. Вы, вѣдь, писатель и мы хотимъ ознакомиться съ вашей литературной физиономіей.

— Въ первый разъ слышу, чтобы для этой цѣли надо было ночью пріѣзжать въ квартиру, подымать на ноги всю семью, производить обыскъ и грозить арестомъ. Гораздо проще пойти въ Публ. Библиотеку, взять старые журналы и газеты и прочесть, что я писалъ.

Студентъ завялъ: мы—люди маленькіе, дѣлаемъ, что намъ приказали.

— А я думалъ, что въ социалистическомъ государствѣ нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ людей и каждый поступаетъ по своему разумѣнію.

Студентъ разсердился: я пріѣхалъ не выслушивать ваши насмѣшки, а обыскать и арестовать васъ...

— Дѣлайте зачѣмъ пріѣхали...

Обыскъ длился часа три. Затѣмъ мнѣ предложили одѣться и слѣдовать въ комендатуру. Одинъ изъ комиссаровъ успокоилъ жену: завтра же выпустятъ, не стоитъ и подушки съ собою брать.

Меня отвезли, дѣйствительно, въ комендатуру Суворовскаго района, провели по ряду просторныхъ свѣтлыхъ комнатъ въ подвальный этажъ, гдѣ и помѣстили въ темной, безъ всякой мебели, безъ оконъ, длинной и узкой комнатѣ, служившей когда-то барской кладовой при кухнѣ. Тутъ же рядомъ была и эта кухня, хотя

и расположенная въ полуподвалѣ, но съ окнами, свѣтлая и большая. Пустая кухня была заперта, а насъ все время держали, никуда не выпуская, въ кладовой, пока, наконецъ, сгрудившіеся въ ней 40 человѣкъ, почти задыхавшіеся, не стали шумѣть и требовать коменданта.

Наконецъ, явился и комендантъ, простой солдатъ. Послѣдовала сначала маленькая перепалка съ употребленіемъ крѣпкихъ словъ:

— Какая еще кухня! Гдѣ кухня? Что еще врете?

Его ткнули носомъ въ запертую кухню. Онъ почесалъ затылокъ и сдался:

— Ну, ладно, прикажу поискать ключи. Ежели найдутъ, открою... Полчаса искали ключи. Нашли. Къ разсвѣту мы размѣстились на полу обширной барской кухни и людской. Мы уже ознакомились другъ съ другомъ и поняли, почему были арестованы. Арестовывали по спискамъ кандидатовъ въ гласные петроградскихъ районныхъ городскихъ думъ 1917 г. Это были первые выборы по всеобщему, прямому, равному, тайному голосованію. Передъ выборами велась агитація. Партіи, желая блеснуть, выставляли, какъ говорилось, для «окраски списковъ», имена и своихъ знаменитостей и просто безпартийныхъ, но очень популярныхъ спеціалистовъ. Большевики тоже принимали участіе въ выборахъ, а теперь превратили ихъ въ западню. Взяли афиши отъ партій народной свободы, трудовиковъ и социалистовъ-революціонеровъ и, воспользовавшись указанными тамъ адресами кандидатовъ, произвели повальные обыски и аресты. Было, правда, нѣсколько человѣкъ, ни въ какихъ спискахъ никогда не значившихся. Но это видимое исключеніе только подтвердило правило. Такъ, дворникъ, убивавшійся, что у него осталось дома безъ матери шестеро ребятъ, оказался братомъ «кандидата», давно уѣхавшаго въ деревню. Одна изъ забранныхъ женщинъ была опредѣленно взята вмѣсто умершаго брата — «кандидата», взята «впредь до выясненія справедливости ея словъ». Наконецъ, горничная, долгое время не понимавшая, за что же ее взяли, вспомнила, что дѣйствительно какъ то лѣтомъ въ прошедшемъ году господа записали ее въ какой-то «трудовицкій списокъ». Эта случайно обнаружившаяся, маленькая тайна созиданія демократическихъ кандидатуръ партій трудовиковъ встрѣчена была не безъ язвительныхъ насмѣшекъ. Были, понятно, и простые случаи чисто пошехонскихъ недоразумѣній. Такъ нѣкто Ш., вышедшій проводить своего отца, былъ въ комендатурѣ задержанъ, и, пока судъ да дѣло, просидѣлъ три недѣли вмѣстѣ съ нами. Когда его, наконецъ, освободили, слѣдователь не счелъ даже нужнымъ извиниться. Еще бы: могло быть и хуже.

Изъ арестованныхъ мало кто догадался взять съ собой постель и пищу. Поэтому уже съ утра родственники и знакомые стали осаждать комендатуру. Осада увѣнчалась успѣхомъ. Сперва разрѣшили передачи, затѣмъ свиданія на разстояніи, а потомъ и на лѣстницѣ, ведущей въ подвалъ. Стражи, получивъ кое-что изъ продуктовъ, совсѣмъ размякли. Мы узнали, что въ городѣ произведены массовые аресты гласныхъ. Коммунисты боятся возстанія, а потому рѣшили изъять всѣхъ лицъ, которыя могли бы возглавить мятежную попытку и создать органъ городского самоуправленія. Какъ только праздники пройдутъ спокойно, насъ немедленно выпустятъ. Среди арестованныхъ много академиковъ, профессоровъ, врачей, богатыхъ купцовъ, инженеровъ, много лицъ, нынѣ занимающихъ видные посты на совѣтской службѣ. Аресты вызвали въ городѣ большое волненіе. Въ Че-кѣ успокаиваютъ, говорятъ, что очень скоро выпустятъ.

Вечеромъ насъ подъ слабымъ конвоемъ отправили въ б. Военную Тюрьму, что на Нижегородской ул. Тюрьма оказалась уже переименованной въ какое-то исправительно-трудовое учрежденіе, при чемъ тюремные надзиратели тоже полу-

чили какое-то сантиментально-благодущное названіе, чуть ли не воспитателей. По существу же во главѣ тюремной администраціи остались старые служащіе, поддерживавшіе прежніе порядки, но про себя рѣшившіе, что особенно усердствовать не стоитъ, и за подачки охотно дѣлавшіе разныя поблажки. Но бывали минуты, когда старшему надзирателю, не то спяна, не то по какому-то нагоняю, приходило на умъ навести порядокъ. Камеры тогда запирались на ключъ; по гулкимъ корридорамъ, выстроеннымъ изъ одного желѣза, неслась густая скверная ругань, бряцало оружіе, щелкали затворы. Затѣмъ воцарялось тяжелое молчаніе. Публика вначалѣ была, большею частью, интеллигентная и предпочитала въ такія минуты со стражей не говорить. Проходило часа два-три и снова открывались камеры, заключенные ходили другъ къ другу въ гости, даже въ другіе этажи. Три раза въ недѣлю намъ приносили передачи. Мы могли писать и получать письма. Кромѣ официальныхъ сношеній были и неофициальныя. Словомъ въ первыя двѣ-три недѣли пребываніе въ Военной Тюрьмѣ напоминало жизнь въ гостиницѣ . . . для тѣхъ, у кого были средства получать съ воли, что ему было надо. Страдали не заключенные, а ихъ родные, вырывавшіе кусокъ у дѣтей, чтобы отнести томившемуся въ бездѣльи отцу.

Не успѣли насъ привести въ тюрьму, какъ уже начали освобождать. Первыми были освобождены, насколько я помню, В. В. Водовозовъ и М. Я. Пергаментъ. Всѣхъ арестованныхъ «по списку гласныхъ» въ тюрьмѣ на Нижегородской улицѣ было 212 человекъ. Изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, далеко не всѣ были членами тѣхъ партій, по спискамъ которыхъ они шли. Было много видныхъ спеціалистовъ, врачей, педагоговъ, подрядчиковъ, купцовъ, инженеровъ, техниковъ, археологовъ, строителей, очень цѣнныхъ для развитія и поддержанія городского хозяйства, но совершенно не интересовавшихся политикой.

На нихъ арестъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

— Спасибо, научили. Нѣтъ, теперь уже меня ни на какіе выборы калачомъ не заманишь. Довольно! Показали намъ, что значать выборы . . .

Походило на самое дѣлѣ на то, будто крайніе правые, которые, по обывательской легендѣ, все время незримо работали за спиной большевиковъ, дали имъ заданіе отбить у нашей либеральной интеллигенціи охоту соваться въ общественныя дѣла. Избыткомъ гражданскаго мужества всѣ эти хорошіе спеціалисты, но смирные люди, никогда не отличались. А тутъ большевики имъ показали, что согласіе дать свое имя на помѣщеніе въ списокъ кандидатовъ въ гласные вовсе не такая законная и невинная вещь, какъ казалось. Они даже въ гласные не прошли, а въ тюрьму попали и, что дальше будетъ, неизвѣстно.

То и дѣло приходилось слышать такія рѣчи: «Ну, я понимаю, взяли Васъ или Н. Н. Вы — видные кадеты, писали, говорили противъ большевиковъ. Но меня то за что? Я вѣдь ни слова не сказалъ и не написалъ. Только что далъ свое имя въ списокъ. Теперь ужъ, шалишь, умнѣе буду . . .»

*

*

*

Первую годовщину октябрьской революціи мы провели въ тюрьмѣ. Если память мнѣ не измѣняетъ, совѣтская власть и намъ даже выдала по знаменитой бѣлой (точнѣе сѣрой) булкѣ, о которой недѣлю говорилъ «весь Петроградъ». Вообще же кормили очень плохо. Хлѣба давали по полу-фунта, иногда три четверти. Супъ былъ пустой, безъ гороха — его выбирали себѣ надзиратели на кашу, съ селедочными головками, но безъ селедочнаго мяса. Давали зато кофе-суррогатъ

и сахару. Безъ передачъ нельзя было прожить и недѣли. Несчастливыхъ, не имѣвшихъ передачъ, было не мало. Ихъ кормили болѣе состоятельные арестанты. Въ тюремѣ было чисто. Давали хорошій кипятокъ. Не было скученности: жили по одному, по-двое въ камерахъ, при возможности гулять по корридору. Желающіе вызывались на работы на чистомъ воздухѣ. Въ сущности, это былъ видъ прогулки. За недостаткомъ пилъ, колуновъ и лопатъ — работы по пилкѣ и носкѣ дровъ или по уборкѣ огорода хватало только на десятую часть желавшихъ. Библиотеки въ тюремѣ не было, церковь разорена и забита, но книги можно было получать изъ дому и возвращать ихъ обратно, а протоіерею Чельцову не препятствовали устраивать у себя въ камерахъ богослуженія для желающихъ.

Дня черезъ два пріѣхали въ тюрьму цѣлымъ табункомъ слѣдователи изъ Чеки. Камсы заперли и начались вызовы на допросъ. Следователи были разные: рабочій, матросъ, интеллигентъ, полунинтеллигентъ. Одни допрашивали очень вѣжливо, не безъ язвительности, другіе—грубо, ругались и кричали. Было тутъ, какъ и въ старой Россіи, когда полиція вѣжливо разговаривала съ образованными и была по мордѣ простонародье. Следователи-коммунисты позволяли себѣ еще кричать и на купцовъ, но передъ державшимъ себя съ достоинствомъ интеллигентомъ какъ то никли и пассивали.

Меня допрашивалъ слѣдователь Отто, изъ латышей, вѣроятно, съ среднимъ образованіемъ. Допросъ носилъ характеръ формальный. Изъ лежавшаго предъ нимъ «дѣла» Отто зналъ, что я — членъ Центр. Комитета к-д. партіи, сотрудничалъ въ «Рѣчи» и «Русской Мысли». Я не отрицалъ. Онъ спросилъ, было, у меня, каковы планы к-д-ской партіи и что я думаю о бѣлой арміи. Я отвѣчалъ, что, живя въ Сов. Россіи и читая только совѣтскія газеты, я не имѣю достаточно матеріала для отвѣта на эти вопросы. Онъ попытался еще спросить меня, какой я держусь «оріентаціи», но получивъ отвѣтъ: «русской», возразилъ: такой не существуетъ. — «Если я ея держусь, значитъ, для меня она существуетъ . . .»

Давъ мнѣ подписать краткій протоколъ, Отто сдѣлалъ на повѣсткѣ какой-то значекъ, позвалъ надзирателя и, сказавъ ему: «проводите», обратился ко мнѣ: о результатахъ скоро узнаете. Въ это время въ камеру зашли другіе слѣдователи, собиравшіеся уѣзжать, и одинъ изъ нихъ, высокій, въ папахѣ, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: «Когда эти будутъ у власти, а мы въ тюрьмѣ, они, чорта съ два, къ намъ сюда не пріѣдутъ, а къ себѣ съ конвоемъ потянутъ».

Каждый день выпускали по нѣсколько человекъ. Ѣздили слѣдователи. Допрашивали недопрошенныхъ, а сидѣвшихъ купцовъ почему-то допрашивали по два и по три раза. Они нѣсколько волновались и тайкомъ признавались, что нажали, гдѣ слѣдуетъ, винты. Отпустили и ихъ. Изъ всей компаніи въ 212 человекъ, оставалось въ тюрьмѣ всего только 31 человекъ, преимущественно изъ бѣдняковъ-интеллигентовъ. Начали приводить въ тюрьму новыхъ сидѣльцевъ. Привели нѣсколько юныхъ морскихъ офицеровъ, компанію интеллигентовъ, взятыхъ за карточной игрой, большую группу крестьянъ Ново-Ладожскаго уѣзда, обвиняемыхъ въ бунтѣ, нѣсколькихъ студентовъ изъ студенческаго сельско-хозяйственнаго кооператива подъ Лугой, ставшихъ жертвою доноса, рабочихъ эсэ-эровъ и анархистовъ, кронштадтскаго анархиста Блейхмана, когда-то призывавшаго матросовъ «вспарывать животы офицерамъ», группу просто уголовныхъ преступниковъ.

Составъ тюрьмы рѣзко измѣнился. Стали мѣняться и порядки. Казенная пища была плоха по-прежнему, но строгости усиливались. Стража или воспитатели ругались гораздо чаще и рѣзче. Запрещено было ходить изъ одного этажа въ

другой. Мы все, первые засельники по дѣлу «гласныхъ», сгруппировались въ четвертомъ, самомъ верхнемъ этажѣ и пользовались еще нѣкоторыми льготами. Но въ другихъ корридорахъ начинали уже на цѣлые дни запираеть камеры, постепенно переводя арестованныхъ на настоящій режимъ одиночнаго заключенія.

«Результаты» допроса мнѣ все оставались неизвѣстными. А слухи ползли нехорошіе. Женѣ и хлопотавшимъ обо мнѣ отвѣчали, что не сегодня-завтра выпустятъ, а стороной меня извѣщали, что вышлютъ куда-то на сѣверъ, за Вологду. Изъ 212 арестованныхъ осталось всего четверо: я, одинъ очень богатый хлѣботорговецъ Г., бѣднякъ учитель А. и техникъ Ф., у котораго при обыскѣ конфисковано было 25 т. рублей царскими деньгами.

Быль уже декабрь. Стояли морозы. Однажды, въ обѣдъ, вмѣсто обычной жидкой бурды, намъ дали густой супъ изъ чечевицы. И по тюрьмѣ поползли слухи: сегодня высылаютъ... Хлѣботорговецъ, у котораго были конспиративныя сношенія съ волей, шепнулъ мнѣ, что надо готовиться къ отъѣзду, повидимому, въ Вологду. У меня было теплое пальто съ башлыкомъ, но не было теплои обуви. Сообщить домой — поздно: ближайшая передача чрезъ два дня. Но мнѣ еще что! У меня хоть башлыкъ и пальто, а у другихъ, кромѣ лѣтняго пальто, буквально ничего нѣтъ. Неужели и ихъ погонять въ такомъ видѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Архангельскую губернію?

Погнали... Почти все населеніе тюрьмы, отъ 16-ти-лѣтняго «красноармейца» П., отпустившаго изъ подъ ареста какого-то заключеннаго, до семидесятилѣтняго беззубаго старика изъ новолодожскихъ крестьянъ, людей явно больныхъ, туберкулезныхъ, въ томъ числѣ и анархиста Блейхмана, отправляли, какъ «буржуевъ», на окопныя работы по Архангельско-Вологодской жел. дорогѣ. Освободили только одного «пролетарія»... миллионера-хлѣботорговца. Его вызвали, прочли ему жестокой приговоръ, что онъ собственно подлежитъ разстрѣлу, но впредь до выясненія освобождается на поруки для исполненія обязательныхъ работъ, которыя будутъ указаны совѣтской властью. Конечно, это стоило не дешево.

Вечеромъ меня вызвали въ контору тюрьмы. Лицо, собиравшее мои бумаги и записывавшее мои отвѣты, вдругъ ровнымъ голосомъ сказала: направо, въ будкѣ телефонъ. Я не заставилъ себя просить, осторожно зашелъ въ будку, быстро вызвалъ жену, къ счастью оказавшуюся дома, и успѣлъ сказать: сегодня къ ночи съ Николаевского вокзала въ Вологду...

II

ВЪ ССЫЛКѢ НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ДОРОГѢ

Отъ тюрьмы на Нижегородской, черезъ весь городъ, въ морозъ, съ вещами на спинѣ, пѣшкомъ по снѣгу и ухабамъ, въ темнотѣ неосвѣщавшихся улицъ, гнали насъ на Николаевскій вокзалъ часа два. А въ это время моя жена и еще человекъ пять, случайно узнавшихъ объ отправкѣ близкихъ имъ людей въ Вологду, металсь по огромному вокзалу и по путямъ въ поискахъ вагоновъ, въ которыхъ насъ повезутъ. Уже позднѣе, когда я вернулся, жена рассказала мнѣ, какъ съ валенками и хлѣбомъ въ рукахъ она бѣгала по рельсамъ, перелѣзала черезъ заборы, спотыкалась, падала, оцарапала лицо и руки, упрашивала солдатъ, получая отъ нихъ ругательства и толчки, пока, наконецъ, какой-то желѣзнодорожникъ не сжалился надъ нею. Прежде всего онъ провелъ ее въ будку, гдѣ она нѣсколько

успокоилась и обогрѣлась, а затѣмъ указаль на мѣсто, гдѣ собирався составъ вологодскаго поѣзда. Оставалось только слѣдить за его передвиженіями т. е. бѣгать за нимъ по рельсамъ. Богъ, видно, милуваль, не попала подъ вагоны и даже имѣла возможность видѣть, какъ провели меня для посадки. Проститься, конечно, не позволили, но валенки и хлѣбъ для передачи мнѣ взяли, а затѣмъ всѣхъ провожавшихъ прогнали прикладами...

Въ товарномъ вагонѣ были настланы въ два ряда доски. Считая съ поломъ, получалось три этажа, на которыхъ и размѣстилось человѣкъ 45. Въ вагонѣ, куда попалъ я съ учителемъ А., помѣщались еще ново-ладожскіе крестьяне, группа рабочихъ анархистовъ и просто хулигановъ, группа офицеровъ съ Клейгельсомъ, сыномъ бывшаго градоначальника. Сопровождать насъ назначенъ былъ особый комиссаръ изъ полуинтеллигентовъ-канцеляристовъ, человѣкъ съ недурно привѣреннымъ языкомъ. Вагонъ чрезвычайно быстро «сорганизовался»: выбранъ былъ староста и его помощники. Староста былъ указанъ новолadoжцами, но не изъ крестьянъ, а какой-то очень толковый и чрезвычайно практичный, бывалый господинъ, напоминавшій скрывающаго свое званіе прапорщика запаса изъ мелкихъ техниковъ. Въ помощь ему выбрали двухъ раздатчиковъ. На вагонъ полагалось по два конвойныхъ. Одинъ долженъ былъ всегда сидѣть въ вагонѣ, другой провожалъ арестованныхъ, когда имъ надо было отлучиться по нуждѣ или за покупками. Старосты пяти вагоновъ составили совѣтъ при комиссарѣ и пошли добывать провизію на дорогу. Если память мнѣ не измѣняетъ, вагонные старосты избрали изъ своей среды главнаго, вручивъ эту должность инженеру Л., племяннику одного изъ послѣднихъ Президентовъ Вольно-Экономическаго Общества.

Выгоды «организованности» сказались очень быстро. Прежде всего принесли въ вагонъ хлѣбъ, воблу и сахаръ, полагавшіеся намъ отъ казны по расчету изъ двухъ дней пути. Затѣмъ нашъ вагонный староста гдѣ-то промыслилъ топоръ. Послѣ мы слышали, какъ возлѣ поѣзда бѣгала голосившая сторожиха и Христомъ-Богомъ молила возвратить топоръ. Какъ ни жалко намъ было плакавшей бабы, но своя рубашка ближе къ тѣлу. Всѣ предчувствовали, что безъ топора мы погибнемъ съ холоду и потому и знавшіе тайну топора, упорно ее хранили, не поддаваясь ни чувствительности, ни голосу совѣсти.

Нашъ вагонъ когда-то представлялъ собой теплушку. Отъ этого времени осталась труба, идущая черезъ вагонъ, но печка исчезла. Созрѣлъ планъ вернуть ее такимъ же путемъ, какъ она пропала. По соглашенію съ конвойнымъ на ближайшей станціи была отряжена небольшая экспедиція изъ молодежи, скоро вернувшаяся съ добычей. Силами вагонныхъ техниковъ украденная печь была прилажена къ остававшейся трубѣ. На станціяхъ мы помогали раскрадывать казенныя желѣзнодорожныя дрова и до Вологды ѣхали прекрасно: топили и варили, сколько надо было, и цѣлый день пили чай...

Комиссаръ по очереди навѣщаль вагоны. Былъ веселъ и словоохотливъ (много времени спустя я узналъ, что онъ былъ преданъ суду за хищеніе продуктовъ у одной изъ порученныхъ ему партій!). Намъ онъ говорилъ то же самое, что и другимъ:

— Васъ отправляютъ по «мобилизаціи буржуевъ, враждебныхъ совѣтской власти». Ёдете въ Вологду. Васъ или тамъ оставятъ, или отправятъ по близости. Арестантами вы считаетесь только до Вологды. Тамъ будете на положеніи рабочихъ. Станете получать паекъ: 1½ ф. хлѣба, сахару, муки, масла, крупы, чаю, соли, казенный обѣдъ кромѣ того. Рабочій день 8 часовъ, въ Сов. Россіи нигдѣ больше не работаютъ. Жить можно будетъ и на вольныхъ квартирахъ.

Одежду, обувь, все, что кому надо, все казна дастъ. Мѣсяць работы считается за годъ. Отработаете положенный вамъ срокъ — кому три, кому пять лѣтъ т. е. мѣсяцевъ и станете уже не буржуи, а полноправные граждане Совѣтской Республики. Всѣ права. Хоть на мѣсто Ленина васъ выбирай, и на это у васъ полное право...

Арестанты слушали, развѣсивъ уши. Удивительно довѣрчивы русскіе люди. Въ вагонѣ было не мало образованныхъ людей, казалось бы, недурно знающихъ, какъ живетъ и что дѣлается въ Совдепѣ. И тѣмъ не менѣе, даже они склонны были вѣрить розказнямъ комиссара. «Ну, конечно, онъ преувеличиваетъ, но если и половина — правда, то и тогда не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Можно будетъ жить и на «работахъ». Особенно привлекала возможность жить на вольныхъ квартирахъ.

На третьи сутки поѣздъ прибылъ въ Вологду. Тамъ насъ постигли первыя разочарованія. вмѣсто горячаго обѣда и теплой квартиры, которые насъ, по словамъ комиссара, должны были тамъ ждать по его телеграммѣ, намъ пришлось не менѣе трехъ часовъ съ вещами слоняться взадъ и впередъ по городу. Одно учрежденіе отсылало насъ къ другому. Никто не хотѣлъ насъ принимать. Все чаще слышались слова: «веди ихъ въ тюрьму.» Наконецъ, послѣ того, какъ мы четыре раза взадъ и впередъ колесили по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ, комиссаръ привелъ насъ къ большому бѣлому каменному зданію, гдѣ и сдалъ по перекличкѣ на улицѣ очень свирѣпому конвою. Немедленно послѣ этого комиссаръ исчезъ — только мы его и видѣли.

Конвой съ матерной бранью и прикладами погналъ насъ въ зданіе реального училища, хотя мы и не думали, конечно, отказываться туда идти. Огромные высокіе свѣтлые классы были, какъ полками въ магазинѣ, перегорожены трехъ-ярусными нарами. Но, Боже мой, во что было превращено прекрасное зданіе Реального Училища, служившее этапомъ для арестантскихъ и воинскихъ командъ! Клочья и тараканы ходили стадами днемъ. На нарахъ, на полу, на окнахъ валялись остатки пищи, не убравшіеся, видимо, мѣсяцами. Выбиты не только стекла, но и многія рамы. Въ стѣнахъ выколупаны отъ масляной краски огромныя плѣши. Гдѣ только можно, пахабныя надписи и рисунки. Водопроводъ нигдѣ не дѣйствуетъ. Краны сломаны. Когда по настилу изъ досокъ мы прошли въ мѣсто, называвшееся внутренней уборной, пришлось съ позоромъ ретироваться. Застойное озеро на полу заливало уже доски, а кое-гдѣ въ этомъ озерѣ торчали сопки вышиною въ аршинъ. Пришлось упрашивать конвой выпускать на улицу. Съ бранью конвойные собирали отрядъ и съ ожесточеніемъ «гнали»: «еще растеряешь васъ, сволочей, а послѣ отвѣчай за васъ...»

Кромѣ голыхъ стѣнъ и наръ на этапѣ намъ ничего не предложили. На вопросъ объ обѣдѣ конвойные отвѣчали: «Сейчасъ въ первѣйшемъ ресторанѣ вамъ закажемъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а вы пока своимъ закусите». Но среди нашихъ «буржуевъ» недаромъ было много и «рабоче-крестьянскаго» элемента. Онъ умѣлъ говорить съ конвоемъ на понятномъ для него языкѣ. Скоро послышалось:

— Ироды вы, душегубы, хоть кншатку то дайте, с. с., либо позвольте самимъ на свои деньги за чаемъ сходить!

Послѣ долгаго переругиванія первая брешь была пробита, и человекъ десять заключенныхъ съ конвойными получили возможность пойти въ близлежащую чайную за кншаткомъ.

Дальше пошло дѣло все легче и легче. Сначала осторожно, а затѣмъ все смѣлѣе заглядывали къ намъ фигуры въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, предлагавшіе «на промѣнъ». Мѣняли все: хлѣбъ, сахаръ, папахи, валенки, рукавицы,

шинели. Самыми ходкими «деньгами» были папиросы и табакъ; охотно брали портмонэ, изъ рукъ рвали, если кто продавалъ, часы либо штатскій костюмъ. Не отказывались и отъ денегъ, но брали ихъ неохотно. Арестантскій этапъ превратился въ толкучку.

Около четырехъ часовъ, когда уже вечерѣло, смѣнился караулъ и стало совсѣмъ хорошо. Конвойные уже сами предлагали проводить въ городъ, въ лавочку, конечно — за нѣкоторую мзду. Миѣ попался удивительно душевный парень изъ какой-то особой, носившей чуть ли не названіе «коммунистической», роты. Онъ не только свелъ меня на почту и далъ возможность отправить домой открытку и телеграмму, но и затащилъ меня къ себѣ въ гости въ казарму, угостилъ кашей, сладкимъ чаемъ и хлѣбомъ. Я впервые увидалъ тутъ, какъ живутъ привилегированные красноармейцы. Эти помѣщались хорошо. У каждаго была своя кровать со столикомъ, въ который складывались продукты. На пищу красноармеецъ не жаловался. Когда я сидѣлъ у него въ гостяхъ, на кровати, казарма стала заполняться женщинами. Оказалось, что сегодня устраивается балъ, что балы, вообще, бывають не рѣдко, а женщины въ казармѣ постоянныя гостьи.

Доволенъ ли былъ красноармеецъ такими «свободами»? Нѣтъ. Ему казалось, что все это не настоящее, не серьезное, а потому и не прочное. «Свобода то оно свобода, да кто еще знаетъ, какъ оно обернется; продажныхъ шкуръ много, доносятъ; при томъ, если я коммунистъ, развѣ долженъ я крестьянина разорять, а мы ихъ потрошимъ здорово. Ну и они насъ не любятъ. Въ одиночку не встрѣчайся. Коммуниста непременно убьютъ».

Предчувствія не обманули моего пріятеля. Обернулось не очень хорошо. Вскорѣ, сидя въ арестантскомъ вагонѣ на станціи Плесецкой, я узналъ, что вся вологодская «рота коммунистовъ» за послабленія арестованнымъ буржуямъ была предана суду и раскассирована.

Конвоиръ доставилъ меня къ семи часамъ на этапъ. Тамъ мы заночевали. Пробовалъ я было заснуть, конечно, въ одеждѣ и въ пальто, но атаки клоповъ были столь стремительны и жестоки, что ночь пришлось бодрствовать. Утромъ кипятокъ снова пришлось покупать на собственные деньги въ чайной. Но въ 11 часовъ намъ дали хлѣба и гороховаго супа. Не успѣли мы, однако, приняться за ѣду, какъ по камерамъ забѣгали конвойные: «Живо! со-би-райсь! Черезъ пять минутъ выступать!»

Бросили ѣду. Опорожнили котелки. Стали спѣшно собирать и укладывать вещи. Второпяхъ, конечно, кое-что и растеряли. А конвойные все подгоняли, скверно ругаясь и угрожая прикладами. Высыпали на улицу и построились въ ожиданіи проверки. Ждемъ четверть часа, никого нѣтъ. Разстраиваемъ ряды. Съ бранью велятъ вновь построиться. Опять ждемъ... Черезъ полчаса является начальство. Переключка. Счетъ. Краткое внушительное слово: если кто изъ этой буржуйной сволочи вздумаетъ бѣжать или не повиноваться, немедленно стрѣлять; за побѣгъ кромѣ того отвѣчаетъ вся партія, потому смотрите другъ за другомъ сами, если хотите (такъ васъ и такъ!) остаться живы. Мы уже обстрѣлены и потому коммунистическая словесность на насъ не производитъ особаго впечатлѣнія.

Ведутъ на вокзалъ. Но поѣзда еще нѣтъ. Проходитъ длинныхъ четыре часа, пока подають составъ и начинается посадка. Это время мы слоняемся по вокзалу. Конвой уже давно размякъ. Мы устали и замерзли. Танцуемъ съ ноги на ногу. Къ чему надо было «гнать» насъ съ такой спѣшкой, не давъ и поѣсть! Система. Вскорѣ я убѣдился, что это излюбленный пріемъ: надо бить арестованнаго по головѣ, не давая ему опомниться, чтобы онъ все дѣлалъ быстро, по военному, а

затѣмъ тянуть изъ него жилы. Для чего? Такъ. Говорятъ, система эта заимствована у стараго порядка и имѣетъ подъ собою солидныя психологическія основанія, какъ средство управленія массами.

Повезли на сѣверъ. Везли долго. Почти полныхъ двое сутокъ ѣхали мы до станціи Плесецкой, гдѣ были штабы VII арміи. Тамъ мы видѣли кое-кого изъ старыхъ есылныхъ, уже выбившихся въ люди и занявшихъ тѣ или иные посты при армейскихъ учрежденіяхъ. Они нѣсколько ознакомили насъ съ тѣмъ, что намъ предстоитъ. Посылаютъ по двумъ направленіямъ: или въ Емцы, или на деревню Кочмасъ (можетъ быть, немного перевралъ названіе). И тамъ, и тутъ фронтъ, на которомъ уже начинаются бои, а до весны ожидается серьезное наступленіе англо-американо-архангельско-бѣлогвардейскихъ войскъ. Въ Емцахъ очень скверныя условія жизни, зато туда доставятъ прямо по желѣзной дорогѣ. Въ Кочмасѣ немного лучше, но надо идти пѣшкомъ съ вещами 29 верстъ; подводъ не даютъ, половина людей, пока дойдетъ, замерзнетъ.

Сидѣли мы въ вагонахъ подъ карауломъ и ждали, кого куда пошлютъ. Вызывали насъ во врачебную комиссію на освидѣтельствованіе. Была тяжелая и оскорбительная комедія. Врачи изъ ссылныхъ трепетали какъ осиновый листъ передъ ассистентами изъ коммунистовъ. Помню осмотръ одного діакона:

— Ну, раздѣвайся, жеребьячья порода! Показывай твои болѣзни. Чѣмъ дѣвочкѣ портишь, сифилисомъ или трипперомъ?

Врачъ молчалъ, пока, видимо важный, членъ комиссіи изощрялъ свое остроуміе. Другой членъ взглянулъ на насъ, распозналъ сквозь нашу хулиганскую виѣшность интеллигентское обличье, толкнулъ товарища и сказалъ:

— Перестань, не валяй дурака.

Дьякона признали «годнымъ». Но были и такіе, которыхъ и эта комиссія вынуждена была забраковать. Семидесятилѣтній старикъ изъ крестьянъ, нѣсколько чахоточныхъ, въ томъ числѣ и Блейхманъ, нѣсколько человекъ съ температурой выше 39° были изъяты изъ партіи и отосланы въ околотовъ. Развѣ не ясно было, что это слѣдовало сдѣлать уже въ Петроградѣ и въ Вологдѣ, гдѣ къ намъ тоже заходилъ врачъ, опрашивавшій, кто на что жалуется. Ему указали на лихорадящихъ, у которыхъ, повидимому, начинался тифъ. Врачъ сказалъ: приму мѣры, но больные послѣдовали съ нами до Плесецкой. Впослѣдствіи врачи въ разговорѣ со мной оправдывались, что они были буквально терроризированы военно-коммунистическими властями, грозившими разстрѣломъ за каждаго оставленнаго «буржуя», который окажется «не опасно больнымъ».

Меня комиссія спросила: Что у васъ? Я отвѣчалъ:

— Миѣ пятидесятый годъ. Всю жизнь я занимался только умственнымъ трудомъ и къ окопнымъ работамъ не способенъ. Я почти слѣпъ и, если лишусь очковъ, то въ двухъ шагахъ ничего не увижу, да и въ очкахъ вижу плохо.

— Параграфъ о зрѣніи отмѣненъ. Грыжей не страдаете?

— Нѣтъ.

Написали: годенъ. А въ то же время во веѣхъ канцеляріяхъ отъ Вологды до Плесецкой и Емцовъ, какъ и въ доброе старое время, укрывались сотни здоровнѣйшихъ верзилъ не умѣющихъ грамотно написать ни строки. Пронесла социальная революція: литераторы, учителя и чиновники рыли окопы, дворники, рабочіе и бойкіе купеческіе сынки писали и учили.

По дорогѣ отъ Петрограда до Вологды и въ самой Вологдѣ можно было еще купить хлѣба и кое-что изъ продуктовъ. Отъ Вологды стало совѣмъ худо. Фронтъ все объѣлъ. За деньги достать хлѣба совѣмъ нельзя было. Мѣняли только

на табакъ, да и то боясь, какъ бы не увидали солдаты или чекисты и не отняли бы хлѣбъ даромъ. Мы еще не «работали», а потому намъ давали только по фунту хлѣба на день безъ горячаго приварка. Начинаясь голодь. Многіе изъ насъ ходили подъ вагонами и собирали выброшенные поварами гнилыя, промерзшія картофелины и другіе объѣдки. Мнѣ — я помню — какой-то красный командиръ подаль кусокъ хлѣба. Это была первая милостыня, которую я взялъ Христа ради. На старости лѣтъ научили меня коммунисты нищенствовать...

Изъ этой мерзлой картошки арестованные, какъ имъ совѣтовали, сдѣлали «шюре». Говорили, что ѣсть «шюре» безопаснѣе, чѣмъ не тертую картошку. Предосторожность не помогла. Той же ночью всѣ полакомившіеся этимъ «шюре», были жестоко наказаны. Дизентерія, впрочемъ, пришла позднѣе, въ Емцахъ...

* * *

На Плесецкой мы пробыли дня три. Часть партіи отдѣлили куда-то, кажется, дѣйствительно въ Кочмась, а остальныхъ повезли на 426-ую версту, за полустанкомъ Емцы. Приѣхали мы вечеромъ. Было уже темно и я совершенно не видѣлъ мѣстности, гдѣ мы остановились. Выгрузивши и пересчитавши, насъ повели куда-то по узкой дорогѣ. Изъ присланной партіи четыре-пять человекъ взяли меня подъ свое покровительство и сдѣлались моими няньками, иногда буквально водившими меня подъ руки. Къ сожалѣнію, проклятыя условія современности таковы, что я даже теперь, спустя 4 года, не могу вполне откровенно говорить о тѣхъ людяхъ, которымъ я обязанъ спасеніемъ въ эти тяжкія минуты моей жизни. Но ихъ образы я сохранилъ въ своей душѣ и, если они находятся внѣ предѣловъ досягаемости совѣтской власти и мои строки дойдутъ до нихъ, пусть примутъ ихъ какъ горячую дань моей благодарности. Безъ ихъ содѣйствія, меня давно бы уже не было въ живыхъ. Это были: учитель А., высланный со мной изъ Петрограда по дѣлу гласныхъ, эстонецъ Э., два молодыхъ морскихъ офицера Ш. и Д. и инженеръ Л.

Эстонецъ Э. былъ натурой интересной. Человекъ большого роста, огромной физической силы, сильныхъ страстей и въ то же время чрезвычайной выдержки. Сынъ богатаго крестьянина, онъ получилъ небольшое образованіе, занимался въ Петроградѣ до революціи торговлей и жилъ, видимо, хорошо. Вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ ссылку его соотечественникъ, бывший его большой пріятель, представлявшій, какъ это бываетъ нерѣдко, разительную противоположность. Скорѣе низкаго роста, слабосильный, пріятель Э., — фамилію котораго я забылъ, производилъ впечатлѣніе человека очень умнаго и хитраго, гораздо болѣе образованнаго и интеллигентнаго. Онъ умѣлъ и любилъ поговорить на политическія темы, тогда какъ Э. изъяснялся по русски не безъ труда и говорилъ мало. Оба пріятеля служили въ Че-ка слѣдователями по дѣламъ спекулятивнымъ. Оба обратили эту службу въ доходный промыселъ. Вмѣстѣ попались и, переживъ на Гороховой непередаваемые сцены «примѣрнаго разстрѣла», очутились въ тюрьмѣ на Нижегородской. Но тутъ начали обнаруживаться и нѣкоторыя различія. Жена Э. послѣ его ареста оказалась почти безъ средствъ и, кажется, не особенно интересовалась своимъ супругомъ. А жена пріятеля Э. имѣла въ рукахъ очень большія деньги и энергично хлопотала за своего мужа. Въ неповоротливомъ мозгу Э. сталъ тяжело шевелиться вопросъ: почему это такъ случилось? Въ душу, очевидно, запали тяжкія подозрѣнія. Дальше — больше. Въ тюрьму они попали вмѣстѣ

и въ ссылку пошли вмѣстѣ, но уже въ Плесецкой пріятель Э-а отъ него оторвался и судьба его явно пошла по другимъ рельсамъ. Э. сознавалъ, что его пріятель использовалъ его, какъ грубую физическую силу, обманулъ, а теперь и предасть и выкарабкивается самъ, предоставляя ему тонуть. «Убить его надо» — сказалъ онъ мнѣ однажды, и это не были пустыя слова.

Окружающее его русское простонародье Э. не любило за грязь, скверную ругань (онъ съ большой любовью и почтительностью говорилъ о своихъ родителяхъ), за «необразованность». Большевики произвели на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе и подавили его психику. «Русскому народу — нерѣдко говаривалъ онъ мнѣ — только такое правительство и нужно. Другое съ нимъ не справится. Вы думаете, народъ васъ уважаетъ. Нѣтъ, онъ надъ вами смѣется, а большевика уважаетъ. Большевикъ его каждую минуту застрѣлить можетъ. Я помню, какъ онъ меня застрѣлить хотѣлъ. Они иногда правильно хотятъ — и мы имъ должны подчиняться», — неожиданно заканчивалъ Э. свою мысль.

Этотъ человѣкъ почувствовалъ ко мнѣ какую-то симпатію, совершенно безкорыстную. Онъ помогалъ мнѣ, какъ только могъ. Когда надо было взбираться въ вагонъ, подымавшійся на полтора аршина надъ насыпью, и я никакъ не могъ подтянуться на своихъ слабыхъ локтяхъ, онъ подталкивалъ меня и всаживалъ въ вагонъ своими могучими руками. Когда одинъ арестантъ изъ хулигановъ укралъ у меня казенную мотыгу и мнѣ грозили непріятности, Э. заставилъ его угрозой переломать ребра вернуть украденное.

Какъ то я прямо спросилъ его:

— Вы человѣкъ сильный, любите и уважаете только силу, почему же вы помогаете и заботитесь обо мнѣ, воплощенной и ненужной слабости?

Онъ отвѣтилъ:

— Силы то у меня самого много. Мнѣ тоже иногда хочется умъ и правду видѣть. Вы думаете, что человѣкъ можетъ жить только какъ грязная свинья или голодная собака? Если бы не было образованныхъ, хоть слабыхъ, но честныхъ, совѣмъ скучно было бы. А власти вамъ давать нельзя. Вы ничего не умѣете...

Э., человѣкъ очень аккуратный и обстоятельный, вывезъ съ собой немного продуктовъ, тѣмъ болѣе, что аппетитъ у него, сообразно комплекціи, былъ большой. Но припасовъ хватило только до Плесецкой. Въ лагерномъ баракѣ на 426-ой верстѣ, Э. уже сильно голодалъ и таялъ на моихъ глазахъ. Вообще, условія жизни были таковы, что обрекали всѣхъ насъ на медленную, но вѣрную смерть.

Вытянутое, узкое, низкое, темное днемъ и ночью, деревянное зданіе, безъ оконъ, съ дверью на одномъ концѣ и печкой — на другомъ. По обѣ стороны, у мокрыхъ стѣнъ — нары, посрединѣ — узкій столъ. Населеніе такъ густо, что при распредѣленіи мѣстъ буквально отмѣривали каждому его 8 вершковъ. Изъ-за каждаго лишне захваченнаго полу-вершка шли уже споры и даже драки. Спать надо было не раздѣваясь. Всѣ вещи, вообще, приходилось на ночь прятать подъ себя, такъ какъ крали немилосердно. Днемъ, когда вся партія отправлялась на работы, вещи въ запертomъ или завязанномъ видѣ оставлялись на отвѣтственности старосты и очередного дневальнаго. Ихъ надзоръ отъ кражъ не спасалъ. Кражи, вообще, служили источникомъ постоянныхъ ссоръ. Для освѣщенія служила лучина. Ее долженъ былъ нащепать дневальный въ такомъ количествѣ, чтобы хватило на утро, когда завтракали передъ отъѣздомъ на работы, и на вечеръ, когда обѣдали послѣ возвращенія съ работъ. Такъ какъ приготовить такое огромное количество лучины одинъ дневальный, обремененный и другими работами, никогда не могъ, то его всегда ругательски ругали. Дневальный послѣ отъѣзда

партіи долженъ былъ вынести камеру, наколотъ и принести дрова, поддерживать огонь въ печи, нащепать лучину и помочь старостѣ доставить продукты.

Продукты (хлѣбъ, сахаръ, иногда чай, рыба и мыло) выдавались старостѣ каждаго барака по списку и дѣлились выбранными раздатчиками изъ арестантовъ по возвращеніи ихъ съ работъ. И старосту и раздатчиковъ обвиняли почти всегда въ кражахъ и мошенничествѣ, хотя заранѣе заготовленныя порціи раздавались по жребію. Староста долженъ былъ слѣдить за порядкомъ и всеѣхъ подымать въ 6 ч. утра. Всеѣ, исключая старосты и одного дневальнаго, должны были ежедневно, не исключая ни воскресенья, ни Рождества, ни Новаго Года, отправляться на работы. Чувствовавшій себя больнымъ отправлялся старостой по запискѣ въ окошко въ 6¹/₄ ч. утра. Если фельдшеръ признавалъ его больнымъ, онъ могъ остаться въ лагерѣ, но получалъ третью часть хлѣбнаго пайка и долженъ былъ все время лежать въ баракѣ, не выходя во дворъ. Бѣда, ежели кто изъ начальства замѣтитъ такого «лодыря» во дворѣ. Если же фельдшеръ не признавалъ его больнымъ, онъ, сломя голову, долженъ былъ бѣжать къ полотну, гдѣ въ 7 ч., передъ поѣздомъ уже выстраивались арестанты по баракамъ или, какъ говорили, «по ротамъ.» Такой неудачный больной лишался завтрака, — большею частью супа изъ селедки даже безъ крупы — который раздавался въ 6¹/₂ ч. утра. Безъ десяти минутъ семь мы должны были уже выходить къ полотну, имѣя на завтракъ не болѣе 15 минутъ. Завтракъ раздавался, смотря по представляемой посудѣ: на одного, на двухъ, на трехъ.

Хлѣба давали по 1¹/₂ фунта на человѣка съ малымъ недовѣсомъ. Сахару около 4 золотниковъ. Рыбы, сухой воблы или селедки, въ среднемъ по полу-фунту въ день. По пріѣздѣ съ работъ, между 7 и 8 часами вечера давался «обѣдъ», т. е. то же самое варево, что и утромъ, за исключеніемъ праздниковъ, когда вмѣсто супа давалась жидкая пшенная каша. Раціонъ въ общемъ былъ значительно меньше красноармейскаго: почти совершенно отсутствовали жиры. Его не хватало бы для поддержанія силъ и при сидячемъ образѣ жизни въ теплой тюрьмѣ. Мы же проводили все время, съ 7 часовъ утра до 7—8 ч. вечера, на морозѣ, за работой или въ холодныхъ вагонахъ и, конечно, выдаваемая намъ пища не составляла и половины того, чего требовалъ организмъ. Даже я испытывалъ чувство голода. Что же переживали болѣе молодые и здоровые, напр. Э., который на волѣ ежедневно потреблялъ одного хлѣба не менѣе 3 фунтовъ? Огромное большинство арестантовъ постоянно испытывали острое чувство голода, и всеѣ мысли ихъ были поглощены заботой, какъ бы чего найти съѣстнаго. Поселеній по близости не было никакихъ. Оставалось красть либо въ казенныхъ складахъ и кухняхъ, либо у болѣе счастливыхъ товарищей, получившихъ какія-нибудь посылки. Посылки, особенно со съѣстнымъ, рѣдко доходили въ цѣломъ видѣ. Сначала содержаніе ихъ въ порядкѣ надзора просматривалось на почтѣ, затѣмъ въ штабныхъ учрежденіяхъ VII арміи, потомъ лагернымъ начальствомъ и, наконецъ, сожителями по бараку въ порядкѣ простой кражи.

Э. таялъ на моихъ глазахъ. Въ теченіе недѣли, которую я провелъ съ нимъ въ баракѣ, онъ потерялъ не менѣе 15 фунтовъ вѣсу. Охватившее его сначала возбужденіе начинало уже смѣняться апатіей...

Составъ арестованныхъ былъ очень смѣшанный, съ большой дозой уголовного элемента, не только воровъ, но и разбойниковъ и убійць. Нравы были дикіе. Одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній произвела на меня сценка, которую я наблюдалъ въ первую же ночь. Черезъ трехъ человѣкъ отъ меня возилась пара педерастовъ за своимъ дѣломъ. Сосѣди объяснили мнѣ, что хулиганы пригро-

зили имъ ножомъ, если они вздумаютъ протестовать. Сказали старостѣ: онъ разъединилъ парочку. Это не помогло.

Помню другую почъ, дня черезъ три послѣ того, какъ я поѣлъ выданной вяленой рыбы. Ночью я почувствовалъ, что у меня во рту что-то шевелится — и вытащилъ червя съ полъ-вершка величиной.

Другое сильное впечатлѣніе было вечеромъ, въ первый же день послѣ возвращенія съ работъ. Мои неподбитыя валенки не выдержали первой же прогулки по лѣсному бурелому. Я пробилъ ихъ о какой-то сукъ и они порядкомъ намокли отъ набравшагося снѣга. Вернувшись къ вечеру въ баракъ, я разулся и, замѣтивъ, что у печки есть свободное мѣсто, присѣлъ, какъ и другой арестантъ, на корточки и сталъ сушить передъ огнемъ валенокъ. Вдругъ, ко мнѣ подошелъ одинъ здоровенный верзила, толкнулъ меня такъ, что я покатился на полъ и занялъ мое мѣсто передъ каминомъ. За меня, было, заступились двое, но верзила имъ отвѣтилъ:

— Подите вы съ вашимъ бариномъ къ...

Долженъ прибавить, что это былъ первый и послѣдній разъ, когда меня обидѣлъ въ камерѣ свой братъ арестантъ. Обыкновенно относились ко мнѣ хорошо, по человѣчески. Но ругань въ баракѣ не прекращалась и драки были ежедневно.

Въ чемъ же состояли наши работы?

Насъ привезли на 426-ую версту вечеромъ, когда было темно и я не могъ даже рассмотреть мѣстности, въ которой расположенъ нашъ «лагерь принудительныхъ работъ». Когда на слѣдующій день въ 6¼ часовъ утра мы пошли за завтракомъ, я тоже ничего не видѣлъ кругомъ и слѣпо шелъ за товарищами гуськомъ на огонекъ у вагона-кухни. Возвращаясь обратно, я споткнулся въ темнотѣ и пролилъ часть драгоценной жидкости. Въ 7 часовъ, когда насъ посадили въ вагонъ, было также темно. Вагонъ былъ съ нарами, но холодный, безъ печки. Во всемъ поѣздѣ на пять крытыхъ товарныхъ вагоновъ было только двѣ теплушки съ печами. Раза три эстонецъ или какой-либо другой пріятель вталкивали меня туда, но, большею частью, теплушки брались съ бою болѣе сильными и болѣе близко къ нимъ выстроенными «ротами», а остальнымъ приходилось кататься въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ.

Да, это было «катанье», которое мы, не попавшіе въ теплушку, проклинали отъ всей души. Пятнадцать верстъ въ декабрьскую стужу насъ везли не менѣе 3-хъ часовъ. Считалось, что нашъ рабочій день длится 8 часовъ, съ 8 часовъ утра до 4 вечера, когда уже спускались сумерки. Но на самомъ дѣлѣ на подвозъ насъ къ мѣсту работъ на 441 верстѣ уходило не часъ, а три часа. Шабашили мы ровно въ 4 часа, но везли насъ обратно ни разу не меньше трехъ часовъ. Такъ что, хотя мы «работали» всего 6 часовъ, но вмѣстѣ съ дорогой времени у насъ уходило 12 и 13 часовъ. Провезутъ насъ три версты, остановятъ поѣздъ, еще — двѣ, затѣмъ обратно подадутъ, опять стоять, а мы мерзнемъ и ругаемся. Дровъ возлѣ дороги было достаточно. Когда становилось невмоготу, набирали полѣньевъ, что потоньше, кололи ихъ казенными кирками и саперными лопатами и жгли прямо на полу вагона. Окутывало такимъ злымъ, фдучимъ дымомъ, что глаза не высыхали отъ слезъ. Приходилось широко раздвигать двери вагоновъ, чтобы не задохнуться отъ дыму. Все же теплѣе, чѣмъ только переминаясь съ ноги на ногу.

Пріѣхали наконецъ. Насъ выгружаютъ и разбиваютъ на шестерки. Большею частью съ мѣста выгрузки мы должны были по лѣснымъ «тропкамъ» пройти на позиціи, полторы-двѣ версты, и снести то, что полагалось. Носили мы, главнымъ образомъ, мотки колючей проволоки, иногда доски для колодцевъ и блокаузовъ. На шестерку выдавался мотокъ проволоки пуда въ три и длинная жердь. Жердь

продѣвалась сквозь мотокъ, и два человѣка, положивъ концы на плечи, несли ее по узенькой тропкѣ, идя гуськомъ за проводникомъ, безъ котораго въ этой чащѣ нѣтъ возможности найти надлежащія «тропки». Двое человѣкъ несутъ, четверо ихъ поочередно смѣняютъ.

Шестерки сбивались на-скоро, безо всякой системы. Въ одну набирались все сильные, какъ на подборъ, въ другую — самые слабые. Горько мнѣ было и совѣстно передъ арестантами, въ шестерку которыхъ я попалъ... Храбро положилъ я конецъ жерди на плечо и пошелъ. Пронесъ мотокъ саженей десять — и упалъ. На ровномъ мѣстѣ ноги скользили, въ снѣгу увязали, о корни и сучки постоянно спотыкались. Приходилось снова подымать мотокъ съ земли — лишній и большой трудъ, не говоря уже о томъ, что, падая, тянешь за собой товарища и подвергаешь его опасности жестоко разбиться. Меня смѣнили. Спасибо, даже не ругались. Попробовалъ я послѣ еще разъ понести жердь. Прошелъ немного дальше, но результатъ тотъ же.

— Нѣтъ, отецъ (такъ называли меня арестанты и красноармейцы изъ народа), не для тебя это дѣло. Скажемъ уже десятнику, дасть тебѣ, что полегче.

Десятникъ внимательнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня: не притворяюсь ли?

— Ну, хорошо, ставить его на жерди, скобы и гвозди.

Это было легче. Набиралъ я въ дырявый мѣшокъ скобъ и гвоздей, разсовывалъ по карманамъ, которые, конечно, немилосердно отъ этого рвались, но все-же было легче, а, главное, по силамъ. Носилъ и доски. Съ этимъ справлялся.

По приходѣ на позиціи, десятники распредѣляли насъ на разныя работы. Одни копали землю для окоповъ, блиндажей или колодцевъ, другіе — рубили деревья и обтесывали колья, третьи — забивали эти колья въ землю, четвертые — разматывали колючую проволоку и переплетали ею построенные загородки и частоколы. Мнѣ приходилось дѣлать все, кромѣ закладки и обшивки колодцевъ.

Грѣшно жаловаться на обремененіе работой. Десятники изъ молодыхъ саперовъ — славные, хорошіе юноши — относились ко мнѣ болѣе, чѣмъ терпимо. «Ну, какой ты, отецъ, намъ работникъ — сказалъ одинъ, видя, съ какимъ трудомъ подымаю я выше головы тяжелый деревянный молотъ, чтобы вбивать имъ въ землю непослушный колъ, входившій у меня только въ снѣгъ, — пойди лучше въ лѣсъ, посиди.

Я пошелъ. Сѣлъ на пень, оглянулся и душа моя радостно застыла отъ этой торжественной красоты и спокойствія вѣковѣчныхъ архангельскихъ лѣсовъ. Я сразу узналъ мѣстность, гдѣ нахожусь. Да, это тѣ самые лѣса, которые воспѣлъ А. Чапыгинъ въ своей замѣчательной повѣсти «Бѣлый скитъ», до сихъ поръ не оцѣненной въ нашей литературѣ. Вотъ передо мной эти гиганты, живые, осыпанные снѣгомъ, тянущіеся верхушками въ небо, и мертвые, на двадцать саженей перегородившіе всѣ дороги. Ходить по этимъ лѣсамъ можно только по тропкамъ, зная при томъ, куда какая тропка приведетъ. Собьешься, заблудишься, не выберешься вовѣкъ и попадешь либо медвѣдю, либо бѣлому сну въ лапы. Оступишься въ снѣгъ, сбоку дороги — хватайся сейчасъ за дерево: снѣгъ глубокъ, провалишься — не выберешься. На деревьяхъ бѣлки прыгаютъ, снѣгомъ тебя поросать, птицы различными голосами перекликаются. Издали доносятся удары топоровъ и молотовъ: наши работаютъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, орудійный, черезъ минуты три за нимъ — другой, еще и еще. Послышалась и ружейная стрѣльба, тоже не очень частая. Въ первый день я не могъ ясно разобраться, съ какой стороны выстрѣлы. Перестрѣлка

длилась около часа. Раненых я ни разу не видѣлъ, хотя однажды очень близко отъ насъ зарылся въ сѣтѣгъ подѣ деревомъ на пригоркѣ трехъ-дюймовый снарядъ. Ходили его смотрѣть. Непріятно было, когда однажды насъ обстрѣляли ружейнымъ огнемъ на работѣ у блиндажа вблизи насыпи. Велѣли залечь. Затѣмъ прошли въ блокгаузъ, отсиживались тамъ вмѣстѣ съ взводомъ красноармейцевъ, которые ругали и коммунистовъ, и бѣлыхъ, и пѣли циничныя и кощунственныя пѣсни.

Я, конечно, былъ не работникъ. Но и другіе, долженъ правду сказать, работали не очень много и не очень усердно. И подневольные рабочіе, и командируемые на работы и для надзора красноармейцы и вольные начальники, все относилось къ работѣ какъ-то скептически и равнодушно. Строили колодець и смѣялись: «а воды то, вѣдь, тутъ нѣтъ, давно пора въ другомъ мѣстѣ рыть, да вотъ товарищъ Сергѣй упрямится». Рыли яму для блиндажа и говорили: «къ концу кампаніи будетъ готово». Про наши проволочныя загражденія все въ одинъ голосъ утверждали: «весной, первымъ же потокомъ все снесетъ».

Очень часто различныя группы рабочихъ и солдатъ подходили къ костру погрѣться, вскипятить чайку. Завязывались разговоры. Меня особенно интересовало отношеніе красноармейцевъ къ бѣлымъ, какъ преломляется въ ихъ сознаниіи междоусобная война. Общее впечатлѣніе было такое. Тѣ, что попроще, взятые отъ сохи или мало тронутые пропагандой, не вѣрили въ побѣду красныхъ.

— Гдѣ ужъ намъ! Какъ перейдутъ въ наступленіе, всю эту работу вашу снесутъ и насъ вмѣстѣ съ нею. Развѣ у насъ что настоящее? Государство, офицеры — все второй сортъ. Видѣлъ я американца: пальто мѣховое, теплое, короткое, ноги свободны, рукамъ легко, ружьецо у него игрушка, не какъ у насъ, на веревкѣ, бинокль, карта. Все у него есть, знаетъ, гдѣ находится, противъ кого воюетъ. Дѣйствуютъ они обходами. Мы вотъ тутъ работаемъ, а «онъ», можетъ быть, уже за тридцать верстъ насъ обошелъ, а завтра окружить и готово: сдавайся.

Полу-интеллигентные и распропагандированная молодежь изъ города и деревни на это горячо возражала:

— Не такъ ужъ это страшно. Конечно, если бы воевали съ нами англичане и американцы, намъ, словъ нѣтъ, противъ нихъ не устоять. Но ихъ мало, они только приданы бѣлымъ для твердости. А съ бѣлыми мы справимся. Офицеры ихъ лучше нашихъ, безъ спору, только они — господа, живутъ отъ своихъ солдатъ особо, ѣдятъ и пьютъ по особому. Пока бѣлый у офицера на глазахъ, онъ еще годенъ, а какъ одинъ остался, нашъ его голыми руками беретъ. «Ты» — говорить — «съ чего это вздумалъ — золотые погоны защищать? думаешь, тебѣ нашьютъ, князей и графовъ мало осталось?» Какая у бѣлыхъ сила, если одинъ нашъ агитаторъ можетъ у нихъ цѣлый батальонъ испортить. Возьмутъ, свяжутъ офицеровъ и намъ же ихъ и выволокутъ...

Наконецъ, одинъ изъ полукоманднаго состава сказалъ мнѣ какъ-то слова, въ первой части оказавшіяся пророческими:

— А я вамъ скажу, кончится такъ: мы — возьмемъ Архангельскъ, а «они» — Плесецкую. Неразбериха. Гражданская война.

Насколько я тогда понималъ, онъ своими словами хотѣлъ отгнѣнить господствовавшій въ то время способъ веденія войны глубокими обходами.

Довольно часто въ разговорахъ слышались звуки ненависти и мести за родныхъ, за жестокости надъ товарищами. Тутъ было много сумбуру, но много и просто темнаго. Среди красныхъ было не мало и перекрашенныхъ, которые, вѣроятно, энергіей брани старались застраховать себя отъ подозрѣній. Такъ, во

время одной изъ «работъ» я около часу слушалъ у костра горячія рѣчи нѣкоего Б., въ прошломъ несомнѣнно офицера, разжалованнаго, какъ онъ говорилъ, въ рядовые во время войны. Онъ все собирался взять Архангельскъ и изощрялся въ придумываніи казней, которымъ подвергнетъ населеніе, вырѣзавшее какой-то отрядъ революціонеровъ, и одного офицера, еще въ царское время предавшаго его брата, будто бы устроившаго заговоръ въ Академіи Ген. Штаба. Послѣднее мнѣ показалось явнымъ вымысломъ, разсчитаннымъ на невѣжество слушателей. Заломивъ на затылокъ высокую черную смушковую папаху, распахнувъ полы шинели, Б. ораторствовалъ: — «Войду въ городъ, соберу буржуевъ, самыхъ жирныхъ, самыхъ чистыхъ, самыхъ, голубчики мои, образованныхъ. Построю ихъ въ рядъ. За то, скажу я имъ, господа мои хорошіе, что вы возстали противъ народа и предательски вырѣзали моихъ товарищей, назначаю я вамъ наказаніе. Пятый изъ васъ будетъ разстрѣлянъ. Четвертый изъ оставшихся — повѣшенъ. Третьяго изъ остающихся пристрѣлю я самъ. Послѣднихъ, такъ и быть, помилю, возьму съ нихъ выкупъ по милліону рублей кругомъ за всѣхъ, и за казенныхъ тоже, а затѣмъ пошлю на работы. Ну, а съ офицеромъ-предателемъ у меня другой разговоръ будетъ...»

Слушалъ я Б. и не могъ понять, кто онъ собственно, красный или только прикидывающійся имъ, черный. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчи его, совершенно невыносимыя для интеллигентнаго сознанія, вызывали въ рядовыхъ красноармейцахъ скверныя и злыя, кровожадныя чувства.

Всѣ признавали, что въ Россіи плохо и такъ продолжаться не можетъ. Нѣкоторые предлагали «не шебаршить», а прямо пойти къ иностранцамъ въ науку: все одно этого не избыть ни краснымъ, ни бѣлымъ, а за науку, конечно, платятъ. Раздавались и другіе голоса. Такъ впервые здѣсь, у костра, на 441-ой веретѣ услышалъ я изъ устъ одного красноармейца: «дайте намъ только съ бѣлыми справиться, а тамъ объявимъ и всеобщую, прямую, равную борьбу противъ воши». Впослѣдствіи схожія фразы я читалъ въ совѣтскихъ газетахъ и вычиталъ ли ее красноармеецъ оттуда или своимъ умомъ дошелъ — не знаю.

* * *

Я не очень-то много вбилъ кольевъ въ землю и еще меньше намоталъ проволоки. Десятники и присматривавшіе за нами красноармейцы на меня не очень насѣдали и не особенно гнали на работу. Они видѣли, что я не уклоняюсь и не лодырничая, а дѣйствительно, не могу и не умѣю. Но все-таки разсчитывать на постоянное снисхожденіе стражи было рискованно. Надо было добиться какой-либо другой работы, для меня посильной. Въ это время насъ уже опрашивали о спеціальности. Мастеровыхъ, слесаря и сапожника, уже взяли куда-то отъ насъ на постоянныя работы. Большое впечатлѣніе произвело извѣстіе, что двухъ бывшихъ офицеровъ-кавалеристовъ взяли на станцію Плесецкую на конюшни для ухода за лошадьми. О положеніи «конюховъ» отзывались хорошо и всѣ въ нашемъ лагерѣ, причастные къ кавалеріи или къ конной артиллеріи, мечтали пристроиться на конюшнѣ. Рѣшилъ и я искать себѣ подходящей спеціальности: если первые, самые тяжелые, дни выжилъ, значить, надо жить и дальше.

Я посоветовался со старостой. Онъ говорилъ, что сдѣлать что-либо трудно. На канцелярскія работы есть приказъ неблагонадежныхъ интеллигентовъ не назначать. Есть работы внутри лагеря по уборкѣ, по завѣдыванію кубомъ, баней,

на кухни. Назначеніе туда зависить отъ начальника. Староста посоветоваль сходить завтра утромъ въ околодокъ, сказаться больнымъ, тогда оставять въ лагерѣ на день и можно будетъ приемотрѣть какую-либо работу. Четыре дня я уже былъ въ лагерѣ и до сихъ поръ не зналъ, гдѣ нахожусь. Уѣзжалъ на работы, когда было темно, и пріѣзжалъ обратно, когда уже ничего не могъ разсмотрѣть. Не могъ даже одинъ за водой сходить, такъ какъ не видалъ, гдѣ колодець. Мои попытки ночныхъ рекогносцировокъ для ознакомленія съ мѣстностью кончались тѣмъ, что попадалъ въ сугробъ и спѣшилъ по своимъ слѣдамъ выбратся обратно на дорогу. Это могло кончиться печально: стоило мнѣ, не зная дороги, забратся куда-либо въ сторону и караульный, заподозривъ бѣглаго, сталъ бы стрѣлять... Все вмѣстѣ взятое создало во мнѣ рѣшеніе непременно остаться завтра въ лагерѣ. Странное психическое состояніе: когда я это рѣшилъ, я почувствовалъ, что не могу завтра ѣхать на работы и, что бы ни случилось, не поѣду...

На утро отправился вмѣстѣ съ другими кандидатами въ больные въ околодокъ. По очереди прошелъ къ фельдшеру, молодому симпатичному человѣку. Не обратилъ должнаго вниманія, что кромѣ фельдшера и его помощника въ комнатѣ былъ еще одинъ человѣкъ. Фельдшеръ ко мнѣ: «Что болитъ?» Я простодушно разсказаль ему все, какъ есть, близорукъ, ничего не вижу, до сихъ поръ не знаю мѣста, гдѣ живу, работа на позиціяхъ для меня непосильна, отъ работы не уклоняюсь, но прошу дать, что по силамъ...

— Это меня не касается — прерваль меня фельдшеръ. По этимъ причинамъ я не могу освобождать отъ работъ. Проситесь черезъ начальника лагеря на комиссію. Сегодня у васъ что болитъ? Голова?

— Голова у меня всегда тутъ болитъ.

Взялъ за руку, нашель пульсъ, сосчиталь:

— Здоровы, ничего не могу сдѣлать. Сегодня должны ѣхать на работы.

— Я ѣхать не могу. У меня силъ нѣтъ.

— Должны.

Я почувствовалъ, что на меня что-то нашло. Вотъ ѣздилъ же четыре дня и ничего, а тутъ такое ощущеніе, что если силой потащуть, и то не поѣду. Вмѣсто того, чтобы бѣжать къ полотну желѣзной дороги строиться, я ощупью побрель обратно, отыскивая помѣщеніе четвертой роты.

Свистнулъ поѣздъ, партія отѣхала. Вернулся сдававшій ее староста. Ко мнѣ: что вы надѣлали? васъ, вѣдь, нѣтъ въ спискѣ оставленныхъ фельдшеромъ? Первый случай прямого неповиновенія, можетъ выйти скверная исторія. Я отвѣчалъ, что ѣхать психически не могъ, будь что будетъ, мнѣ все равно.

Въ дальнѣйшемъ разказѣ я, къ сожалѣнію, долженъ кое-что опустить, не зная, гдѣ теперь люди, такъ или иначе принимавшіе участіе въ моей судьбѣ. Долженъ сказать, что старостѣ и еще нѣсколькимъ лицамъ удалось предотвратить отдачу меня подъ военно-полевой судъ. Меня призвало къ себѣ начальство лагеря и спросило:

— Въ чемъ собственно дѣло?

— Ѣхать вмѣстѣ съ остальными арестантами, молодыми и сильными людьми, я, старикъ, не могу, даже если меня и не будутъ принуждать работать. Не пикникъ же это для меня. А отъ непосильной работы не отказываюсь.

— Хотите взять завѣдываніе кубомъ?

— Попробую.

Попробоваль и увидалъ, что поступилъ легкомысленно. Во дворѣ стояла маленькая будка съ печкой и вмазаннымъ въ нее пятиведернымъ котломъ. Три

раза въ день надо было согрѣть по два куба и прослѣдить за раздачей приходящимъ кипятку. Дневная раздача, когда три четверти лагеря уѣзжали на работу, особыхъ трудностей не представляла, но утренняя и вечерняя были много сложнѣе.

Назначили мнѣ помощника, и сталъ я готовить съ ночи кубъ на утро. Принесъ не безъ труда, но благополучно, пять ведеръ воды, накололъ дровъ, нащепалъ лучины для освѣщенія и растопки. Закончилъ работу, хочу уходить, помощникъ, коловшій дрова, и говоритъ: такъ бросить кубъ нельзя, къ утру ни дровъ, ни лучины не найдемъ, даже хододную воду изъ куба выцѣдятъ. Правильно. Надо запереть. Смотритель говоритъ, что казеннаго замка у него нѣтъ, какъ нѣтъ и спичекъ. Бросился по лагерю добывать и то, и другое. На что-то вымѣнялъ. Заперли кубъ. Всталъ въ четыре часа утра. Помощникъ мой еще не приходилъ. Сталъ растапливать кубъ. Не безъ труда, но удалось: горить хорошо. Только опять старая бѣда: потѣютъ у меня стекла очковъ — ничего не вижу, а сниму ихъ — тоже ничего не вижу. Все-таки вскипаетъ у меня кубъ, а помощника нѣтъ, какъ нѣтъ. Идти за нимъ не хочется: скажетъ, не смогъ самъ съ дѣломъ справиться. Стали на дымокъ ко мнѣ заходить отдѣльные, рано проснувшіеся, арестанты. Тутъ я сдѣлалъ грубѣйшую ошибку. Наканунѣ мнѣ техники дѣла никто толкомъ не объяснилъ. Мнѣ бы надо запереть кубъ, сходить оповѣстить все «роты», что кипяткокъ готовъ, буду скоро раздавать, а я вмѣсто того прямо далъ первымъ пришедшимъ. Тѣ разнесли по «ротамъ»: кипяткокъ даютъ. Заключение бросились къ кубу. Я — одинъ. А раздавать воду надо осторожно, чтобы кубъ не опустѣлъ, не то распаяется — и тогда «крышка». Толпа набилась въ кипятивильникъ и не хотѣла уходить. Мнѣ надо было обязательно его закрыть, чтобы пойти за водой. Началась перебранка. Толпѣ, видимо, доставляло удовольствіе поиздѣваться надъ интеллигентомъ:

— Наливай, глазастый чортъ, а то самъ нацѣжу!

— Очки напялилъ, такъ и командуешь!

— Ежели не за свое дѣло взялся, такъ молчи!

Я уже отлично понималъ, что взялся не за свое дѣло. Положеніе было критическое. Въ это время появился мой помощникъ изъ питерскихъ рабочихъ, медлившій приходомъ, видимо, не безъ психологическихъ расчетовъ. Онъ крѣпко выругался, схватилъ одного арестанта за шиворотъ, выкинулъ изъ кипятивильника, вытѣснилъ остальныхъ. Для приличія они ругались, но своему брату уступили. Мы заперли кубъ, наносили воды и черезъ десять минутъ снова раздавали воду. Но какъ-только рабочій поѣздъ отошелъ, я явился къ начальству съ рапортомъ:

— Кипятивильникомъ быть не способенъ, прошу назначить другого.

Къ удивленію моему я встрѣтилъ очень хорошій пріемъ:

— Какой вы кипятивильщикъ! Развѣ справитесь вамъ съ этимъ народомъ! Хорошо еще, что кубъ не распаяли. Ну, мы вамъ нашли подходящую работу. Явитесь къ фельдшеру...

Смѣшно немного теперь обо всемъ этомъ вспоминать. Но неудача съ кубомъ такъ придавила мой духъ сознаніемъ моей непригодности къ этой суровой жизни, что я ничего не ждалъ и отъ бесѣды съ фельдшеромъ. Опять какая-нибудь тщетная попытка, новый конфузъ, новое отчаяніе. Вспомнились за тысячу верстъ оставшіяся жена и дѣти, которыя пьютъ свою чашу въ холодномъ и голодномъ Петроградѣ. Двадцать пять лѣтъ писалъ, училъ другихъ, — а теперь съ кубомъ и толпой арестантовъ справиться не можешь. Нужны ли такіе люди? Имѣютъ ли право существовать?

Завѣдываніе кубомъ передано было моему товарищу. Онъ нашелъ себѣ помощника изъ своей среды и дѣло у нихъ пошло. Потихоньку они начали поторговывать кипяткомъ для постирушекъ (это было строго запрещено), оказывали услуги кухоннымъ людямъ и начальству — и стали сыты. Встрѣтивъ меня какъ-то послѣ этой исторіи, мой помощникъ полу-признался, что не безъ намѣренія оставилъ меня съ толпой одного глазъ-на-глазъ: «увидали вы, какіе это люди, и не захотѣли, правильно, съ ними возиться».

Пошелъ къ фельдшеру. Тутъ уже все перемѣнилось. И теперь не могу безъ чувства горячей благодарности вспомнить этого хорошаго русскаго молодого человѣка и двухъ его санитаровъ тоже изъ ссыльныхъ. Одно изъ нихъ, г. Б—ра я встрѣтилъ недавно въ Берлинѣ и въ его красиво мебелированной столовой за хорошимъ обѣдомъ мы вспоминали дни и ночи, проведенные въ лагерѣ на 426-ой верстѣ. Тамъ наше знакомство началось съ того, что, конфузливо протягивая мнѣ горшокъ съ остатками пшенной каши, онъ сказалъ: «можетъ быть, не побрезгуете, теперь какъ разъ мы уже пообѣдали и ничего у насъ больше не осталось...» Надо ли добавлять, что я не побрезговалъ и вычистилъ горшокъ такъ, что его почти и мыть не надо было.

— Вы на меня, должно быть, разсердились, что я васъ тогда не оставилъ — сказалъ мнѣ фельдшеръ. Не могъ я этого сдѣлать. Тутъ шпикъ сидѣлъ, вы не замѣтили. И безъ того всякій день доносы. Коменданта лагеря уже смѣщаютъ, пока останется его помощникъ, хорошій человѣкъ...

Узнавъ объ условіяхъ жизни въ баракѣ, фельдшеръ предложилъ переселить меня къ себѣ въ комнату при околodкѣ. — «Конечно — сказалъ онъ — клоповъ и у насъ достаточно — съ потолка падаютъ; лучше, поэтому, спать на полу, а не на скамьѣ, — есть и мыши, но все-таки будетъ вамъ лучше». Понятно, съ какой благодарностью я принялъ предложеніе. Часа черезъ три я со всеми вещами перебрался уже въ околodокъ. Въ первый разъ въ теченіе десяти дней я получилъ возможность раздѣться и хоть немного почистить себя отъ облѣпившихъ меня насѣкомыхъ. Вечеромъ ждала меня другая величайшая радость: фельдшеръ пригласилъ меня въ баню, вытопленную для красноармейцевъ...

Ночью, однако, на новомъ мѣстѣ спалось плохо. Уложили меня для почета на единственной кровати въ передней, служившей одновременно и кухней. По бревенчатымъ стѣнамъ были развѣшаны кастрюли и кружки. Едва я легъ, раздѣвшись и прикрывшись пальто, какъ почувствовалъ, что по лицу кто-то ползаетъ, а по ногамъ — бѣгаетъ. Я былъ атакованъ клопами, падавшими съ потолка, и мышами, осторожно спускавшимися по стѣнкамъ, вычищавшими кастрюльки и шуршащими тамъ. Всталъ тихонько, чтобы не будить другихъ, одѣлся и часть ночи провелъ, сидя на стулѣ, наблюдая по звукамъ тихую, осторожную ночную жизнь крысъ и мышей. На слѣдующій день, извинившись, я легъ на полу и спалъ всю ночь, какъ убитый. На третью ночь спалъ совсѣмъ нормально, все время проникнутый чувствомъ глубокой благодарности къ фельдшеру и его товарищамъ, избавившимъ меня отъ жизни въ баракѣ.

Тѣмъ временемъ нашлась для меня и подходящая работа. Въ нашемъ лагерѣ былъ лишь околodокъ для амбулаторнаго пріема. Чуть только человѣкъ заболѣвалъ серьезно, приходило: или отпралять его въ нетопленномъ скотскомъ вагонѣ на Плесецкую, или оставлять въ баракѣ, рискуя, что онъ заразитъ всю «роту». Рѣшено было, поэтому, устроить нѣчто въ родѣ пріемнаго покоя для сомнительныхъ, человѣкъ на 8, на 10. На окраинѣ лагеря стоялъ полуразвалившійся домикъ съ топкой. Печники въ лагерѣ были и печь можно было поправить. Въ домѣ съ

мѣсяць тому назадъ жили солдаты. Можно себѣ представить, въ какомъ онъ стоялъ видѣ. Мнѣ было поручено привести его въ порядокъ, вымести, вымыть, оборудовать и сдѣлаться, такъ сказать, смотрителемъ зданія будущаго пріемнаго покоя. Съ утра до вечера возился я тамъ. Никто меня не понукалъ. Не приходилось никуда спѣшить; дѣлалъ я то, что могъ и какъ могъ, но работалъ по совѣсти, очищая этотъ хлѣвъ отъ неимовѣрной грязи. Усилія мои увѣнчивались успѣхомъ. Стали уже чинить печку. На санкахъ возилъ я къ дому огромныя сосновыя колоды въ два-обхвата изъ прекраснаго строеваго архангельскаго лѣса, истреблявагося здѣсь на дрова. Мнѣ дали колунъ и научили колоть эти, съ виду столь страшныя, но на самомъ дѣлѣ легко колющіяся колоды: надо только умѣть выбрать линію для удара. У меня уже появилось небольшое хозяйство: съ польсажени дровъ, нѣсколько табуретовъ, даже маленькій ночничекъ изъ бутылки съ драгоценной жидкостью-керосиномъ. Когда печники кончили свою работу, я досталъ горячей воды и вымылъ хибарку. Наконецъ, затопилъ печь — и вся хижина наполнилась дымомъ. Пришли еще разъ печники и побѣдили: на другой день въ печкѣ весело трещали дрова, а въ избѣ становилось такъ тепло, что я скинулъ пальто...

Въ этотъ моментъ моего торжества меня позвали въ околодокъ. Фельдшера я засталъ въ большой тревогѣ. Коменданта лагеря убирали, помощника фельдшера переводили куда-то и, кромѣ того, только что получена телефонограмма, чтобы меня и одного прис. повѣреннаго Р. съ первымъ же поѣздомъ доставить на станцію Плесецкую. Въ чемъ дѣло? Не иначе, какъ доносъ. То, что въ телефонограммѣ ни слова не говорилось о вещахъ, толковалось одними оптимистически: значить, пустяки! Другіе же покачивали головами: безъ вещей хуже... Я сначала подумалъ, было, не на судъ ли за самовольный отказъ поѣхать на работы? Но одновременность вызова со мной и петроградскаго адвоката заставляла думать: не изъ Петрограда ли вѣсти? Только почему тогда «безъ вещей»?

Снарядили меня въ дорогу, дали съ собой хлѣба и пошелъ я въ контору. Оттуда дали мнѣ съ адвокатомъ Р. конвоира и отправили въ вагонъ. Безли долго. Было холодно и тоскливо. Что впереди?

* * *

Впереди оказался арестантскій вагонъ. Пожалуй, это было самое лучшее помѣщеніе, которое я имѣлъ за послѣднія двѣ—три недѣли. Старый царскій арестантскій вагонъ III класса, съ рѣшетками, но освѣщенный, со скамьей, на которой можно было вытянуться. Заключенныхъ вначалѣ было немного, и въ моемъ распоряженіи оказалась цѣлая скамья. Рядомъ со мной помѣщалась крестьянка среднихъ лѣтъ, у которой на лицѣ все время стояли слезы.

— Что у тебя, тетушка? — спросилъ я ее.

— Дѣтушки у меня малыи — пѣвучимъ говоромъ заговорила она. — Трое ихъ, самой старшей девять лѣтъ, младшему — два года. Одни остались, какъ есть, одни, безъ одинаго человѣка. Мужа сначала арестовали, теперь, значить, меня. Все хозяйство, лошади, коровки съ малыи дѣтьми бросила, а кругомъ только непріатели.

— Какіе непріатели?

— Смута у насъ такая пошла — шептала она сквозь слезы. Вражда началась. Одни говорятъ: мы — красные, а вы, что побогаче, — бѣлые и слѣдуетъ у васъ —

хозяйство отнять за помощь бѣлымъ и англичанамъ. На мужа довели, что онъ бѣлымъ подводы давалъ, а какъ онъ могъ не дать, когда ружьемъ заставили. Взяли его, а черезъ недѣлю пріѣхали за мной: ты, говорятъ, бѣлымъ сигналы показывала. А это уже сосѣди, красные, видя, что хозяйство при мнѣ, на меня выдумали. Я плачу: на кого же я дѣтокъ брошу? Они отвѣчаютъ: на кого хочешь, намъ дѣти твои не нужны, мы съ дѣтьми не воюемъ. Вотъ и не знаю я теперь, что съ дѣтушками моими. Обидятъ ихъ сосѣди, сведутъ послѣднюю корову. Чуетъ мое сердце... — и она заплакала навзрыдь.

Я попробовалъ утѣшать. Но что могъ я сказать на это безмѣрное материнское горе! Гражданская война глянула на меня своими бездонными, злыми глазами.

Черезъ нѣкоторое время крестьянка совсѣмъ тихимъ подавленнымъ голосомъ зашептала:

— А какъ, вы не слышали, не пойдутъ сюда англичане большими силами? А то, что дѣлаютъ? Придетъ небольшой отрядъ, постонть, уйдетъ, а затѣмъ красные и начинаютъ доказывать: этотъ помогаль, этотъ сочувствуетъ. Сколько народу зря загубили! Когда, наконецъ, Господь Богъ насъ помилуешь!..

Вагонъ мало по малу заполнялся. Появленіе одного высокаго, сильнаго человѣка въ полушубкѣ и папахѣ, по виду рабочаго, вызвало большой эффектъ въ группѣ сидѣвшихъ крестьянъ-маслодѣловъ:

— А Степка — комиссаръ! Коммунистъ! И ты тутъ очутился! Пришелъ и твой чередъ! Грабилъ ты насъ, мучилъ, сюда, мерзавецъ, засадилъ, а теперь съ нами посидѣть пришелъ. Посиди! Поѣшь нашу хлѣбъ-соль. мы тебѣ покажемъ! Помнишь, какъ ты у меня боченокъ масла укралъ. Налогъ, говоришь, на армію, а почему масло у твоей стервы оказалось?...

Степанъ сначала былъ оглушенъ, но скоро оправился:

— Если вы, бѣлогвардейская сволочь, ко мнѣ приставать станете, такъ я начальнику охраны скажу, онъ васъ мигомъ успокоитъ. Я арестованъ по недоразумѣнію. Мнѣ самъ слѣдователь сказалъ, что завтра выпустить.

— И мы по недоразумѣнію, по твоему доносу. И намъ сказалъ, что выпустить. Всѣмъ такъ говорить...

Перебранка продолжалась еще съ полъ-часа, постепенно спадая съ тона. А черезъ часъ я, къ величайшему изумленію, наблюдавъ, какъ комиссаръ и его жертвы уже довольно мирно бесѣдовали и готовились вмѣстѣ пить чай...

Прошла ночь въ вагонѣ. Арестантовъ приводили и уводили, а о насъ точно забыли. На утро мы напомнили о себѣ. Въ отвѣтъ узнали, что выписать насъ слѣдователь со странной фамиліей Самодѣдъ. Но Самодѣдъ уѣхалъ въ деревню Кочмасъ для дознанія объ обстрѣлѣ партіи арестантовъ (изъ прибывшихъ одновременно съ нами), потерявшей много народу убитыми и ранеными. Самодѣда все нѣтъ и нѣтъ, а безъ него съ нами ничего сдѣлать не могутъ.

Еще одинъ день въ арестантскомъ вагонѣ. Вечеромъ приходитъ юноша, видимо, изъ служащихъ въ канцеляріи, и тихо, стоя возлѣ меня, говоритъ:

— Вы писатель? Вы не бойтесь. Васъ освободятъ. Есть уже телеграмма. Отправятъ въ Петроградъ. Ваши вещи выписали съ Плесецкой.

Прошло, однако, болѣе сутокъ, пока меня съ прис. повѣреннымъ Р. позвали куда-то, что-то записали, выдали намъ вещи и, вызвавъ двухъ конвойныхъ красноармейцевъ, заявили, что мы отправляемся при пакетѣ въ Вологду въ распоряженіе предсѣдателя военно-революціоннаго трибунала. Самодѣда мы такъ и не дождались. Онъ застрялъ въ Кочмасѣ.

Прежде всего насъ поразила та почти любовная радость, съ которой насъ встрѣтили конвойные. Загадка скоро разъяснилась. Фронтъ всёми до того осточертѣлъ, что люди только и мечтали, хоть не надолго, вырваться отсюда домой на побывку. Сопровожденіе арестованныхъ считалось лучшимъ видомъ отпуска, особенно, если нѣтъ опасности, что арестованные сбѣгутъ. Наши конвойные были изъ подъ Вологды. Мы, какъ они сразу поняли, арестанты смиренные и благонадежные: лучшихъ не найти. Поэтому они прониклись къ намъ самой теплой симпатіей и дѣлали все возможное, чтобы превратить отправку насъ въ Вологду почти въ увеселительную поѣздку. Получилась какая-то шутовская гримаса на трагическомъ лицѣ гражданской войны.

Еще до сформированія поѣзда наши конвоиры ввели насъ въ вагонъ перваго класса, заняли четырехмѣстное купэ и заперли его изнутри. Мы расположились внизу на неотодранномъ еще бархатномъ диванѣ, а наши конвоиры на-верху. Когда поѣздъ подали на станцію, всё вагоны очень быстро переполнились пассажирами. Въ наше купэ то и дѣло ломились стоявшіе въ корридорѣ люди, но всё получали энергичный отвѣтъ:

— Сюда нельзя. Возьмемъ важныхъ политическихъ преступниковъ. Никого не велѣно пускать.

А когда пассажиры становились черезчуръ настойчивы, конвоиры прибавляли:

— Не ломись. Стрѣлять будемъ. Приказъ имѣемъ — никого къ арестованнымъ не пускать.

Конвоиры поили насъ чаемъ, покупали на дорогѣ молока, угостили даже ватрушками, которыми сами запаслись на дорогу.

Такъ проѣхали мы полторы сутокъ. Съ 1916 года никогда я не путешествовалъ съ большими удобствами. Въ Вологдѣ на имѣвшіяся у насъ деньги мы наняли извозчика и вмѣстѣ съ конвоирами отправились разыскивать Предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала. На нашъ стукъ въ дверь съ соотвѣтствующей надписью въ корридоръ вышелъ человекъ лѣтъ 30, безъ пиджака, въ подтяжкахъ, съ разстегнутымъ воротомъ синей мятой ночной рубахи:

— Кого надо?

— Предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала.

— Я самъ. Арестованныхъ съ Плесецкой привезли? Сдавай.

Въ двѣ минуты мы были «сданы». Конвойные, дружески съ нами распрощавшись быстро ушли, а насъ предсѣдатель повелъ въ какую-то комнату, зажегъ огонь, велѣлъ сѣсть, буркнувъ:

— Сейчасъ придетъ секретарь, напишетъ...

Минуть черезъ двадцать пришелъ секретарь, читалъ нашъ пакетъ, ходилъ нѣсколько разъ совѣтоваться съ предсѣдателемъ. Тотъ вышелъ въ прежнемъ костюмѣ и вмѣстѣ они сочинили и выдали намъ по двѣ записочки. Въ одной удостовѣрялось, что такой-то являлся въ Трибуналъ и былъ имъ освобожденъ отъ принудительныхъ работъ. Въ другой заключался пропускъ на поѣздъ въ Петроградъ «по распоряженію В. Ч. К.». Я тотчасъ же замѣтилъ, что ни въ одной бумажкѣ ничего не говорится объ обязательности для насъ по пріѣздѣ куда-либо явиться и, по приглашенію съ Р., мы рѣшили этого вопроса не углублять и ни о чемъ предсѣдателя не спрашивать. Точно не помню, но какъ будто онъ, отдавая намъ бумажки, сказалъ: «По прибытіи, явитесь въ В. Ч. К.»

— Куда намъ теперь?

— На вокзалъ. Берите билеты и поѣзжайте.

Итакъ, мы уже свободные граждане на улицахъ Вологды... Намъ стоитъ только взять билеты и мы можемъ послѣ-завтра быть дома. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ для этого денегъ...

*

*

*

Я до сихъ поръ точно не знаю, что въ это время происходило въ Петроградѣ и въ результатѣ какихъ вліяній Самодѣдъ получилъ телеграмму объ отправкѣ насъ въ Вологду. Нужно сказать, что вообще эта петроградская выдумка, «посылка буржуевъ на оконныя работы» вызвала большой шумъ. Въ Петроградѣ все дѣло очень быстро попало въ руки теплой компаніи жуликовъ, освобождавшихъ за деньги подлинныхъ «буржуевъ» и посылавшихъ на вѣрную смерть бѣдняковъ изъ интеллигенціи, учащейся молодежи, рабочихъ, мѣщанъ. Военныя власти постоянно жаловались, что имъ посылаютъ людей, для работъ совершенно негодныхъ, стариковъ и дѣтей, больныхъ, одѣтыхъ по-лѣтнему. Помимо трагедіи въ Кочмасѣ, присланные на работу заболѣвали массами и изъ нихъ многіе умирали. Сильное впечатлѣніе произвела, напримѣръ, смерть студента Л., брата одного близкаго сотрудника А. Луначарскаго. Съ этимъ симпатичнымъ юношей я познакомился довольно близко. Онъ былъ однимъ изъ членовъ сельско-хозяйственной коммуны, устроенной петроградскими студентами подъ Лугой для снабженія картошкой и овощами своего кооператива.

Студентъ съ увлеченіемъ рассказывалъ о своемъ дѣлѣ. Онъ, дѣйствительно, полюбилъ сельско-хозяйственный трудъ и былъ очень доволенъ жизнью въ коммунѣ, хотя и признавалъ, что коммунистическіе приемы организациі труда себя не оправдали. Кто-то изъ сосѣднихъ крестьянъ, недовольный тѣмъ, что коммуна заняла 40 десятинъ земли, на которыя онъ разчит валь, послалъ доносъ въ мѣстную Че-ку, что коммуна разводитъ среди крестьянъ «контръ-революцію». При всей вздорности доноса, чекисты въ виду тревожнаго настроенія крестьянъ «на всякій случай», въ августѣ, передъ самой уборкой урожая, разгромили «коммуну», арестовавъ всѣхъ ея вожаковъ, т. е. всю администрацію. Арестованныхъ переслали въ Питеръ. Че-ка помѣстила ихъ въ военную тюрьму на Нижегородской, а оттуда они механически попали въ списокъ высылаемыхъ на принудительныя работы. Все это безо всякаго суда и разслѣдованія. Кто-то составлялъ списки, внесъ тѣ или другія имена арестованныхъ — и готово.

Братъ Л. черезъ Луначарскаго добился распоряженія объ экстренномъ пересмотрѣ дѣла студентовъ. Но въ тотъ самый день, когда распоряженіе состоялось, студентовъ со всей нашей партіей отправили на 426-ую версту. Тогда — рассказывали мнѣ — Луначарскій попросилъ одного своего знакомаго, виднаго военнаго, спеціально проѣхать отъ Плесецкой на Емцы, передать студенту посылку и узнать, что тамъ дѣлается. Двое посланцевъ отъ Луначарскаго, дѣйствительно, еще при мнѣ приѣзжали на полустанокъ Емцы. Студентъ получилъ отъ брата посылку и письмо, извѣстіями котораго дѣлился съ нами. Но повидать лично ни одного изъ посланцевъ Л.—у не позволили. Въ тотъ же вечеръ, впрочемъ, у него температура уже поднялась до 40, а дня черезъ три онъ скончался отъ воспаленія легкихъ, осложнившагося воспаленіемъ мозга...

Какъ я уже описывалъ, условія жизни на «работахъ» были таковы, что просто въ силу одного факта постояннаго недоѣданія и вѣчной вшивости, арестанты обречены были на смерть. Но здоровые молодые люди все-таки не сдавались. Всячески старались выбиться, кто въ конюхи, кто въ санитары, кто въ кубовщики

или мастеровые. Заболѣвшихъ отправляли на ст. Плесецкую, гдѣ была больничка и гдѣ кормили нѣсколько лучше и не заставляли работать. У насъ же въ лагерѣ, на 426-ой верстѣ, записанный больнымъ и не отправившійся на работы вмѣсто 1½ фунта хлѣба получалъ всего ½ фунта на день.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль около 25% подневольнаго населенія лагеря свалились съ ногъ. Высланные вмѣстѣ со мной, напр. учитель А. и техникъ Ф. въ безсознательномъ состояніи были отвезены сначала на Плесецкую, затѣмъ въ Вологду, гдѣ около двухъ мѣсяцевъ пролежали въ больницѣ. Чѣмъ бы завершился весь опытъ, сказать трудно, такъ какъ вмѣшались чрезвычайныя обстоятельства. Англо-американо-архангельскія бѣлыя войска рѣшили перейти въ наступленіе, безъ всякаго труда прошли черезъ тѣ окопы и проволочныя загражденія на 441-й верстѣ, на которыхъ я работалъ, взяли и сожгли и полустанокъ Емцы, и нашъ лагерь на 426-ой верстѣ, и даже станцію Плесецкую. Обо всемъ этомъ я узналъ, уже будучи на свободѣ. Что случилось съ большинствомъ моихъ соотарищей по этимъ гиблымъ мѣстамъ, не знаю и по сей день...

За меня хлопотали литературныя организациі Петрограда и М. Горькій. Обращались къ Зиновьеву, Ленину, Стасовой, Яковлевой, которая тогда фактически стояла во главѣ петроградской Че-ки. Нѣкоторое время меня, вообще, не могли найти, такъ какъ петроградская Че-ка отрицала самый фактъ моей высылки въ Вологду и на фронтъ. Оказалось, что распорядилась самостоятельно комиссія, составлявшая списки высылаемыхъ. Рассказывали мнѣ, что Яковлева, узнавъ объ этомъ, была крайне недовольна, такъ какъ я, въ качествѣ члена Центрального Комитета к.—д. партіи, подлежалъ отсылкѣ заложникомъ въ Москву.

Мое «освобожденіе» или точнѣе пребываніе на свободѣ съ января по августъ 1919 года объяснялось, какъ выяснилось позднѣе, простымъ недоразумѣніемъ, чрезвычайно характернымъ для тогдашней коммунистической администраціи. Мои друзья хлопотали о моемъ возвращеніи въ Петроградъ. Яковлева имъ общала и вытребовала меня съ архангельской дороги... для отправки заложникомъ въ Москву. Предсѣдатель вологодскаго Военно-Революціоннаго трибунала отправилъ меня въ Петроградъ безъ конвоя и безъ письменнаго распоряженія о явкѣ въ Че-ку. Приѣхавъ въ Петроградъ и зайдя къ М. Горькому поблагодарить его за хлопоты, я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, надо ли мнѣ являться на Гороховую. Онъ далъ мнѣ благоразумный совѣтъ безъ спеціального приглашенія въ это учрежденіе не ходить. Я такъ и сдѣлалъ, пожертвовавъ взятыми у меня при обыскѣ рукописями, письмами, портфелями и документами. Нѣчто въ родѣ вида на жительство мнѣ удалось получить безо всякаго участія въ этомъ дѣлѣ заведенія на Гороховой.

Благодаря этому я получилъ возможность около семи съ половиной мѣсяцевъ пробыть въ 1919 году въ кругу своей семьи и наблюдать въ Петроградѣ строительство коммунизма за это время. Прежде всего dokonчу рассказъ о томъ, какъ я попалъ домой...

* * *

Выйдя отъ предсѣдателя Военно-Революціоннаго Трибунала въ темный декабрьскій вечеръ, мы съ Р. очутились на улицѣ совершенно незнакомаго города, безъ денегъ, безъ ночлега. Но это насъ мало смущало: впереди, хотя и далеко, маячили огни родного дома и энергіи было достаточно.

Я зналъ, что въ Вологдѣ жили нѣкоторые видные общественные дѣятели кадетскаго и меньшевистскаго толка, знавшіе меня хотя бы по печати, которые не откажутся намъ помочь. Но я понималъ, что едва ли они остались въ городѣ, едѣлавшемся штабъ-квартирой большевистскихъ войскъ. Однако, я рѣшилъ попытать счастья. Остановивъ одного изъ рѣдкихъ вечернихъ прохожихъ, интеллигентнаго обывателя, я спросилъ его, не можетъ ли онъ указать мнѣ, какъ пройти къ М., Т. или В. Онъ съ недоумѣніемъ, не безъ тревоги, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Я съ ними незнакомъ. Слыхалъ, что никого изъ нихъ тутъ давно нѣтъ. У прохожихъ лучше не спрашивать...

Я понялъ, что путь мой къ добру не поведетъ (двое изъ моихъ знакомыхъ, какъ я узналъ позднѣе, въ то время уже были арестованы). Тогда Р. вспомнилъ, что въ Вологдѣ жила его знакомая, когда-то очень извѣстная филантропка С., собиравшаяся уѣзжать, но, можетъ быть, еще не уѣхавшая. Во всякомъ случаѣ мы рѣшили найти ея квартиру. Кто-нибудь тамъ да остался. Этотъ «кто-нибудь» и послужитъ путеводной нитью для дальнѣйшихъ поисковъ.

Нашли. Р. пошелъ на развѣдки. Я остался на улицѣ съ вещами на спинѣ. Присѣлъ на крыльцо дома и сталъ ждать. Помню, на душѣ у меня было совершенно спокойно: ни на минуту не покидала увѣренность, что сегодня же буду въ поѣздѣ, а послѣ-завтра утромъ у своихъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ выбѣжала дѣвушка и попросила меня зайти. Мой спутникъ Р. уже преобразился: ему дали умыться и онъ даже пристегивалъ къ чистой рубашкѣ крахмальнѣй воротничекъ. Я очень извинялся за свой неприличный видъ, просилъ, чтобы мнѣ позволили умыться на кухнѣ, искренно боясь, какъ бы не занести въ благодарность великодушной женщинѣ насѣкомыхъ въ ея спальню, гдѣ стоялъ умывальникъ.

Видъ у меня, должно быть, и на самомъ дѣлѣ былъ ужасный, если одинъ изъ знакомыхъ г.-жи С., извѣщенный о нашемъ прибытіи, когда я былъ ему представленъ, не удержался отъ свособразнаго комплимента:

— И такого человѣка превратили въ хулигана!...

Онъ нѣсколько смутился, замѣтивъ улыбку на моемъ лицѣ.

Насъ накормили, напоили, дали денегъ, всякой снѣди на дорогу, въ томъ числѣ и вологодскаго масла въ подарокъ семьямъ въ голодный Петроградъ... Изъ рассказовъ за ужиномъ мы узнали о безчинствахъ, которыя дѣлались большевиками въ Вологдѣ: всѣхъ наиболѣе почтенныхъ въ городѣ лицъ, въ томъ числѣ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій, не исключая и еврейскаго раввина, они направили на золотарныя работы. Но такъ какъ къ «коммунистическому строительству» вологодскіе коммунисты по какимъ-то причинамъ еще не приступили, то жизнь въ Вологдѣ сравнительно съ умиравшимъ Петроградомъ, несмотря на близость фронта, казалась раемъ. Петроградцы массами, не взирая на всѣ рогатки и запрещенія, наѣзжали на Вологду и, не останавливаясь ни передъ какими деньгами, вывозили всѣ продукты. Цѣны безумно росли. Населеніе негодовало. Пользуясь этимъ, на желѣзной дорогѣ свирѣпствовали и безчинствовали заградительные отряды съ большой пользой для себя, но безъ какого-либо вліянія на ростъ цѣнъ.

О желѣзнодорожномъ движеніи мы услышали не очень пріятныя вещи. Большевики, правда, уже уничтожили бесплатное катаніе людей въ сѣрыхъ шинеляхъ, бывшее въ такой модѣ до половины 1918 года. Но всѣ поѣзда буквально штурмуются мѣшечниками, сильными, рослыми, по солдатски одѣтыми людьми съ

пятипудовыми мѣшками за спиной. Частные пассажиры могут попасть только въ спеціальныя вагоны, если имѣютъ какія-либо значительныя командировки или вліятельныя военныя знакомства.

Поѣздъ отходилъ въ 12 ч. ночи и намъ, несмотря на всѣ уговариванія переночевать, хотѣлось выѣхать сегодня.

— Попробуйте — сказала радушная хозяйка — если не удастся, вернетесь, завтра похлопочемъ...

Мы попытались и съ огромными трудностями, нанявъ за большія деньги носильщика, были имъ втолкнуты въ какой-то разбитый зеленый вагонъ. Если отъ Плесецкой до Вологды мы въ качествѣ арестантовъ ѣхали съ величайшими удобствами въ купэ перваго класса, то теперь мы, какъ свободные російскіе граждане, съ билетами 1-го класса, простояли часа три около уборной въ вагонѣ III класса, пока не пробились въ корридоръ и не усѣлись въ проходѣ между скамьями на своихъ вещахъ. Но мы должны были все-таки благодарить Бога, такъ какъ за нами всегда стоялъ еще большой хвостъ постепенно напиравшихъ людей. То и дѣло слышались жалобные голоса:

— Пустите, Бога ради, погрѣться. Ноги совсѣмъ застыли, стоять не могу больше...

Въ такой обстановкѣ мы ѣхали почти полторы сутокъ до Петрограда. Но мы ѣхали къ себѣ, домой, къ семьямъ — и доѣхали, наконецъ. Все было забыто. Одна мысль: что встрѣтитъ насъ дома?

Пройдя уже на вокзалѣ какой-то послѣдній таможенный осмотръ, мы очутились, наконецъ, на Маломъ Невскомъ. Извозниковъ уже не было. Ихъ мѣсто заняли мальчишки съ санками, запрашивавшіе большія цѣны.

До моей квартиры было близко.

Минуть черезъ 25 я былъ уже у своихъ...

* * *

Въ ночь на 5 Ноября 1918 г. я былъ арестованъ. Утромъ 6-го января 1919 г. нов. стилия вернулся домой. 6-ое января нов. стилия — 24-ое Декабря по старому т. с. Сочельникъ. Я вернулся въ свою семью въ Сочельникъ и вечеромъ, придя изъ церкви, мы вчетверомъ сидѣли за кутьей и въ разбивку радостно дѣлились впечатлѣніями о пережитомъ. Невольно, вся исторія моего перваго ареста и первой ссылки окрасилась въ цвѣта рождественскаго разказа...

Впереди меня ждали новыя испытанія. Они закончились уже не рождественскимъ разказомъ въ духѣ Диккенса, а подлинной трагедіей, разрушившей семью и совершенно обезцѣнившей для меня остатки моихъ дней.